

ПЕРЕЖИВШИЕ ХОЛОКОСТ

*«Прошлое
не выкинуть
из памяти»*

Тверия
Израиль
2019

Любовь Знаковская, Анатолий Зусман
Пережившие Холокост. Сборник воспоминаний
людей, переживших Холокост.

Израиль, Хайфа, типография **Gutenberg**

Редактор	<i>Любовь Знаковская</i>
Часть первая	<i>Любовь Знаковская</i>
Часть вторая	<i>Анатолий Зусман</i>
Перевод на иврит	<i>Ирина Явчуновская</i>
Компьютерный набор	<i>Анатолий Зусман</i>
Графика	<i>Галина Лекомцева</i>

В сборнике собраны материалы по рассказам людей, проживающих в Тверии (Израиль), детьми переживших Вторую Мировую войну, находясь в эвакуации.

All rights reserved

© Любовь Знаковская, текст, 2019

© Анатолий Зусман, текст, 2019

© Ирина Явчуновская, иврит, 2019

© Галина Лекомцева, обложка, 2019

Тверия
Израиль
2019

Ветераны!

Через 75 лет после окончания войны с Германией было решено издать книгу об истории ветеранов, живущих в Тверии.

Ветераны – это передовой отряд воинов, рисквавших жизнью ради победы над нацистским агрессором.

Те, кто выжили и находятся среди нас, стали живой историей, в которой и отражен этот тяжелейший период их жизни.

В последние месяцы отдел алии и интеграции Тверии содействовал сбору свидетельств и воспоминаний людей, переживших Вторую мировую войну, и на основе их рассказов издаёт эту книгу для того, чтобы молодёжь Тверии познакомилась с наследием ветеранов.

Для города, который поднял знамя интеграции новых репатриантов, тема ветеранов всегда была и остаётся очень важной.

С уважением,

Йоэль Хадад, начальник отдела алии и интеграции города Тверия

Напутствие книге о ветеранах

«Если народ не знает своего прошлого, его настоящее бедно, а будущее туманно».

Игаль Алон.

Дорогие ветераны!

Эта книга увековечит ваш героизм и оставит память для будущих поколений государства Израиль.

Я благодарю вас, героев той ужасной войны, за вашу стойкость в борьбе с осью зла.

Мы в министерстве алии и интеграции признаем и ценим не только то, что сотни тысяч евреев, сражавшихся в рядах Красной Армии, внесли вклад в освобождение Восточной Европы от нацистской оккупации, но и ваш вклад в создание государства евреев, государства Израиль.

Ваш героизм является важной частью истории еврейского народа.

Желаю вам крепкого здоровья и долголетия, и мира и безопасности нашей стране, государству Израиль.

С уважением,

Дали Эли,

руководитель делами округа Хайфы и севера министерства алии и интеграции.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ПЕРЕЖИВШИЕ ХОЛОКОСТ

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Предисловие

Стремительно мчатся годы, оставляя позади века и тысячелетия. Годы уходят и становятся историей. Книга, которую ты держишь, дорогой читатель, это воспоминания людей, не понаслышке знавших, что такое Холокост.

Прошли десятилетия с того момента, как закончилась Вторая мировая война, в которой были растоптаны шесть миллионов ни в чем не повинных людей только за то, что они – евреи. Все меньше остается живых свидетелей тех зверств.

Тот, кто помнит ту войну, кто был тогда ребенком, знает, что такое бомбежка, голод, нищета, хлебные карточки... Им есть, что сказать о Холокосте. Как и тем, у кого горит в сердце огонек памяти, когда бы он ни родился, ибо память о трагической истории еврейского народа, о Холокосте не должна забываться.

Я иду по дороге, уходящей за горизонт. Надо мной серое небо. Это не потому, что исчез голубой цвет, нет... Просто на него наложился черный цвет от пожарниц, от разрывов бомб и снарядов, от горящих самолетов, оставляющих за собой шлейфы черного дыма. Серый цвет – это цвет войны.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Я иду по этой дороге... А слева и справа, спереди и сзади идут и идут люди. И среди них много детей. Умирающих от голода, от холода, от болезней, от бомб и снарядов маленьких детей.

Уходящая в неведомую даль дорога. И тем, кто шел по ней, тем, кто не дошел до конца, и тем, кто осилил её, мы посвящаем эти строки...

Вряд ли какая книга может вместить в себя описание всего того, что пришлось пережить еврейским детям, для которых понятия война и Холокост слились в один нескончаемый звук и остались с ними на всю жизнь.

Только эпизоды, только маленькие эпизоды могут передать по кусочкам, что это такое – война и Холокост.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Любовь Знаковская

ЛЮБОВЬ ЗНАКОВСКАЯ

Мне было ровно три с половиной года, когда началась война, когда пролегла бездна между 22 июня 1941 года и тем, что было до него. А до него было счастье – счастье в том, что были живы папа с мамой.

Папы не стало через несколько месяцев, мамы – сразу после войны. Кто говорит, что дети ничего не помнят, те ничего не знают о детях. Либо они и в войну оставались детьми.

Любочка в довоенные годы

А я внутренне, в свои совсем детские годы, ребёнком себя не ощущала. В эшелоне, мчавшемся на Восток из украинского Полесского местечка Олевск, запыленная на третью полку с такой же оравой малышей, я старалась не заснуть, чтоб успеть спрыгнуть к маме и не потеряться во время бомбёжки... А в редкие тихие ночи я тихо шептала маме: «Мама, поспи, я постерегу мешочек с хлебом... Мама, поспи...»

Впрочем, об этом я писала и в стихах, и в прозе. И об отце, сгоревшем в танке под Харьковом, и о том, как спасла маму от удара ножом из-за куска хлеба... Вот одно из них:

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

* * *

Этот пронзительный свист паровоза,
Крик «По вагонам!» и лязг буферов...
Это из детства, как будто с мороза,
Горем недетским повеяло вновь.
Это на станции Сталино, помню,
Кофточку мама сменяла на хлеб,
Только у двери теплушки-вагона
Встал дезертир, долговяз и нелеп.
С финкою в левой, больной и голодный,
К хлебу он правой рванулся рукой.
Как я кричала, заморыш, ребёнок,
Маму свою прикрывая собой!
Как я кричала – вагоны дрожали,
С переполоху умолк паровоз!
А дезертир – то ли страх, то ли жалость –
Что-то в нём, видимо, отозвалось...
Дрогнуло что-то в зверином оскале,
Руки, как в норы, в карманы вползли,
Ноги согнулись, как будто искали
Щёлку в толпе, чтоб зарыться в узлы.
Но за спиной моей мамины руки
Что-то творили с буханкой ржаной:
Чёрной горбушки кривые излучки
В лодке ладони плывут надо мной.
Вижу, как будто в замедленной съёмке:
К нелюдю «лодка» плывёт над людьми,
Слышится голос охрипший, негромкий,
Неповторимый: «Покушай, возьми...»

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ВЫЖИТЬ, ЧТОБЫ ДАТЬ ЖИЗНЬ ДЕТЯМ И ВНУКАМ

МАРИЯ АЙЗЕНШТЕЙН

Когда произносишь это особенное слово – Киев, ты словно вновь попадаешь на звонкие и зелёные улицы Крещатика, упиваешься особым напевным говором его жителей, даже чувствуешь запах его цветущих по весне каштанов. А уж если ты родился в Киеве, значит, впитал это с молоком матери.

Героиня моего очерка Мария Айзенштейн – киевлянка. Она гордится этим, хотя тринадцать квадратных метров довоенного жилья для семьи из трёх человек причины для особой радости не давали. Зато всегда рядом была мама, занимавшаяся воспитанием единственной дочери, а по вечерам приезжал с работы отец, служивший вольнонаёмным в Киевском военном округе. Родители отца проживали в Белой Церкви, а овдовевшая бабушка с маминой стороны тоже жила в Киеве. Так было в том «прекрасном далёко», которое называлось «Ещё до войны...»

«22 июня, ровно в 4 часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война...» Всё произошло точно так, как пелось в этой песне. Но бомбили и Житомир, и многие другие города и посёлки Украины и Белоруссии. Отца мобилизовали в пер-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

вый же день. А мама с дочкой ещё три недели жили под бомбёжками и на ночь затемняли окна.

Старшую дочь бабушки – врача по профессии – тоже мобилизовали как майора медицинской службы, а в звании подполковника медицинской службы призвали на фронт её мужа. Они оба прошли всю войну с Германией и ещё попали в 1945 году в бухту Золотой Рог, где участвовали в коротких боях с японцами.

Эвакуировались из Киева они вчетвером: бабушка, две её дочки (одна из них мама нашей Марии) и шестилетняя Муся, как звали её в детстве. А дедушку и бабушку из Белой Церкви, не успевших покинуть родные места, фашисты расстреляли в первые же дни оккупации.

Эшелон с беженцами шёл в Россию очень долго, под бомбёжками и с остановками в лесах и перелесках, на каждой станции. Наконец, они прибыли в Пензенскую область, город Мичуринск. Мама очень тяжело работала на заводе. Жили в голоде, холоде и тесноте. А потом ещё и пришло извещение о том, что на фронте погиб отец. В общем, не жили, а выживали. Муся пошла в первый класс и успела его закончить.

А потом пришла радостная весть об освобождении Киева. Их семья получила разрешение туда

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

вернуться, так как все они были киевляне. И в октябре 1944 года они вернулись в родной город, Правда, их 13-метровые «хоромы» были заняты физкультурниками из Харькова. Но маме как вдове погибшего смертью храбрых удалось их вернуть. Мама тяжело работала. А Муся училась в школе и после неё уехала учиться на Кавказ.

В Киеве было полно институтов, где так хотелось учиться девочке со светлой головкой, но у неё была фамилия Айзенштейн. А шёл 1953 год, и антисемитизм нисколько не утихал даже после смерти Сталина. На Кавказе, в Ессентуках, работали врачами её тётя и дядя, и Муся поступила в Пятигорский институт иностранных языков на отделение английского и немецкого языков. На электричке ездила к родным в Ессентуки, на каникулы – к маме, так и закончила институт. В Киеве работала сначала в интернате. Потом много лет в Проектном институте, который занимался строительством медицинских учреждений. Работала переводчицей технической и информационной литературы. Вела картотеку. Вышла замуж и родила сына. А в 1990-м году, выйдя на пенсию, засобиралась в Израиль. Сын был студентом и не захотел бросать институт. Только через пять лет они с женой тоже репатриировались. А сейчас сын порадовал мать двумя внуками, которые с честью отслужили в Армии Оборонаы Израиля. Так что нет, не напрасными были все перенесённые страдания в

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Холокосте. «Мы выжили и дали жизнь детям и внукам нашим!» – с гордостью заявляет Мария.

Мария в клубе у Шошаны

ДЛЯ УЧЁБЫ И ВОЙНА НЕ ПОМЕХА!

ЭСФИРЬ АЛЬТШИЛЛЕР

Это лето обещало быть таким счастливым для их большой семьи: две старшие дочери приехали из разных городов рожать к маме в маленький райцентр под Витебском; две младшие дочери хорошо закончили учёбу в школе, особенно Эсфирь, Фирочка. Ей исполнилось шестнадцать лет, и за плечами были восемь классов. Старшие сёстры под неусыпным присмотром мамы благополучно покинули роддом и выхаживали своё потомство, младшие присматривали за домом, огородом, читали, радовались жизни.

Но со середины июня отец приходил с работы всё более встревоженный и взволнованный, а в этот вечер сказал, что ночью ожидается сигнал тревоги, по которому всё мужское население городка должно немедленно явиться в военкомат. Где-то часа в два ночи раздался жуткий вой сирены, который, наверное, и мёртвых разбудил. Отец, захватив приготовленное мамой на первый случай, явился куда следует. Скорее всего, военкомат собирался провести учебную тревогу, но вышло всё по-другому: через пару часов фашисты без объявления войны напали на нашу страну, несмотря на так называемый «Пакт о ненападении Молотова-Риббентропа». Началась война, которая уже почти

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

два года шла в Европе, а теперь перекинулась на наши земли.

Перед отступлением наших частей под напором врага отца отпустили проститься с нами, он и попрощался с нами навсегда: больше мы его не видели. А наше осиротевшее «бабье царстве» – пятеро женщин и девочек и трое совсем маленьких детей – с двумя чемоданами детских вещей погрузились в машину и, стоя в кузове, отправились подальше от воя сирен, самолётов и грохота стремительно надвигающейся беды. Шофёр нас выгрузил в каком-то селе, а сам помчался спасать свою семью. Нам помогли здесь, в этом колхозе: выделили лошадь, пожалев малышей, и мы отправились дальше. А следующей ночью нашу лошадь украли, и мы вынуждены были остаться работать в другом колхозе, чтобы как-то прокормиться. И до середины июля все мы работали так хорошо, что с нами расплатились мешками муки, круп и пр. Старшая сестра получила письмо от мужа из Донецка, который эвакуировался вместе с заводом и обещал нас вызвать к себе по прибытии на место. Но оставаться здесь нельзя было: фашисты приближались, и нас погрузили в эшелон вместе с заработанными продуктами, чем спасли от голодной смерти всю семью. Бомбили каждый состав, но наш машинист паровоза каждый раз благополучно уворачивался из-под налёта, то прибавляя «жару в топках, то убавляя»... Мама на всякий

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

случай, боясь плена, забрала и спрятала наши комсомольские билеты, чтоб вернуть их нам в безопасном месте.

К концу лета беженцы перевалили через Урал и прибыли на станцию Боблы Казанской области, где мы немного поработали и откуда нас вызвал к себе в Ново-Кузнецк (а в войну – Сталинск) муж

старшей сестры. Всех нас – девять человек – разместили в одной 20-метровой комнате общего барака. За окном мороз 41 градус.

Эсфирь

В таких условиях и строили комбинат, который перерабатывал металлолом, искорёженную военную технику и отливали новый металл для пушек, пулемётов и т.д. Об этом городе ещё в 20-е годы воскликнул Маяковский:

Я знаю:

город будет!

Я знаю:

саду цвести!

Когда такие люди

В стране Советской есть!

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

А люди трудились в три смены, и днём, и ночью. Правда, столовая работала отлично, и рабочие ели ежедневно горячую пищу. Лозунг «Всё для фронта! Всё для Победы» был святыней.

«Несмотря на мою молодость (18 лет), – вспоминает Эсфирь, – мне было доверено очень ответственное дело. В моих руках был прибор – пирометр, который должен был определять температуру плавки (расплавленного металла), когда она вытекала из печи. В зависимости от этого – я либо задерживала плавку, либо выпускала её точно по определённой температуре. Шум в цехе невероятный, жара невыносимая, и вдруг у меня из рук выскользнул этот прибор и исчез на глубине... А плавка вот- вот должна показаться. И что мне делать?! Я в отчаянии кинулась к рабочим, и они тотчас бросились вниз искать пропажу. Через пару минут прибор был найден, и счастливее меня не было человека!

Трудно даже предположить, чем бы обернулась для меня эта оплошность по законам военного времени!..»

Помолчав, она продолжает: «Хотя шла война, мне очень хотелось учиться, причём, профессия должна была быть мне по душе. Поэтому я не задержалась в Новосибирском металлургическом институте, где готовили кадры для тяжёлой промышленности: это были чисто мужские профессии. Год проучилась на учительских курсах и, по-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

лучив заветную «Зачётную книжку» с оценками по всем сданным предметам, ушла, чтобы не отправиться одной в какую-нибудь глухомань. Но пока я училась, одна из сестёр негодовала, упрекая меня куском хлеба и тем, что во время войны не до учёбы. Да и со стороны зятя было какое-то осуждение. Я ушла из семьи на квартиру, а потом устроилась санитаркой в эвакогоспиталь, ожидавший переброски на Украину, где ещё шли бои. Но ни Киев, ни Житомир не нуждались в подобном госпитале. Только Львов принял нас. А я мечтала об университете, но освободить в военное время от службы даже в госпитале может только военный комендант. Но чтобы найти его днём, службу ведь не бросишь! И тайком не уйдёшь! Меня и так недавно наказали карцером.

А дело было в том, что ночью я несла службу охранника. Остановка поезда. Напротив тоже военный состав приостановился. Один из бойцов попросил меня: «Сестрёнка, дай пару стульчиков, мы так устали всю дорогу стоять или лежать!» Ну, я и дала им два стула – не чужим же, своим бойцам-защитникам! А наутро у начальника уже лежал рапорт о том, что такая-то разбазаривает имущество госпиталя... Меня и наказали, чтоб другим nepовaдно было...

Поэтому я решила за счёт сна, своего личного времени, пробираться ночью, в комендантский час, к военкому в незнакомом городе. С

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

огромным трудом, но добралась. Он принял меня, выслушал и понял: «Санитарку мы всегда найдём, а грамотного специалиста – не так просто!» И подписал мне увольнение из госпиталя и благословил на учёбу в университете.

Так я стала студенткой филологического факультета Львовского университета, о чём с торжеством известила свою родню в Сталинске».

Выйдя замуж за Марка Альтшиллера, построила с ним счастливую семью, с которой со временем репатрировалась в Израиль. Сейчас, на 95 году жизни, Эсфирь живёт в красивой, большой квартире в центре города, окружённая заботой детей и внуков.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

«МЫ С ВАМИ ОДНОЙ КРОВИ!»

ДИНА БАЛАХНИНА

Она родилась в необычной семье – смешанной: мама русская, отец – еврей. Даже в те времена это встречалось нечасто, тем более, что мама Наталья Дмитриевна – дочь священника из Каменец-Подольского, правда, к тому времени и церковь закрыли, и отца власть не миловала, записала в «лишенцы», да и у двух его старших дочерей репрессировали мужей...

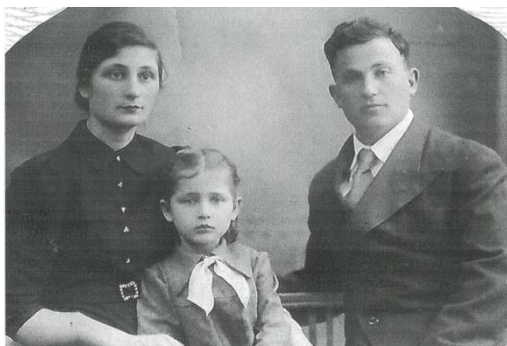

Отец Дины – Исаак Лазаревич Лейбель был родом из маленького еврейского местечка, откуда он просто бежал, не видя никакой возможности там чего-нибудь в жизни добиться. Бежал в чужой город – Кривой Рог – не зная там никого, толком по-русски не умея говорить, не то что читать и писать! И ведь в короткое время всему научился, даже поступил в медучилище. Встретившись с Наташей, полюбили друг друга и получили даже с обеих сторон родительское благословение. Оба любили книги, были трудолюбивы и радовались рождению дочери Дины. Семья жила неплохо, потому что все работали, даже дедушка, бывший священник, подрабатывал репетитор-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ством, обучая детей языкам. Помогали все вместе семьям репрессированных родственников.

Отец участвовал в знаменитом походе Красной Армии по присоединению к СССР Западной Украины и Белоруссии. Вернувшись со службы в армии, работал завхозом в медучилище. Жена преподавала в школе русский язык, В первых числах июня 1941 года она по путёвке уехала в Сочи, в санаторий. Но началась война. Когда отец слушал речь Молотова, у него выступили слёзы: он знал, что их всех ожидает, он видел уже часть этой войны, которая почти два года терзала Европу и докатилась до них. А маму не отпускали из санатория: нечего сеять панику, враг не пройдёт! Надо добыть до конца месяца в санатории! Но Наташа, переживая о семье, на первом же поезде с мобилизованными бойцами приехала домой.

Дочек маминих сестёр отправили копать окопы, племянник лечил туберкулёз в санатории Пушья Водица.

Дина с мамой и папой до войны

Но начались бомбёжки, во дворе вырыли щели, куда прятались во время налёта. Начали

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

эвакуировать заводы вместе со специалистами. И поползли слухи, что враг близок. Все знали, что ждёт евреев в оккупации, но как эвакуироваться?

И вдруг приезжает во двор закрытая машина, в которой обычно дезинфицируют заразное, грязное бельё больных. Это директор медучилища, мобилизованный в армию на второй день войны, прислал машину за своей еврейской семьёй и за семьями соседей и сотрудников. Его жена тут же сообщила, чтоб немедленно собирались и грузились в машину. Но тётки отказались, потому что ждали детей, дед и бабушка тоже. Тогда поехали другие соседи. Вообще-то, это было большим нарушением – использовать транспорт в личных целях, да ещё и в военное время! За это могли жестоко наказать! Но человек спасал людей!

И вот машина въехала на мост, где патруль проверял всех и вся на случай взрыва и вредительства. Шофёр, рискуя свободой и жизнью, предупредил находящихся в машине молчать и не шевелиться. Патрульные спрашивают шофёра: «Что в машине?» – отвечает: «Дезинфицируется бельё больных и умерших, так как нет новых бинтов и белья для больницы». – «А можно открыть?» – «Нет, дверь закрыта герметически». А в это время в машине люди едва не задохнулись от нехватки воздуха и остатков дезинфекционных запахов. Но выдержали, даже малыши – Дина и Илюша (сын директора медучилища). И ведь спаслись чудом:

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

уехали из Кривого Рога 7 августа, а 9-го немцы уже были в городе... Об этом они слышали по радио в Павлограде. Когда добрались до госпиталя, Исай Ильич (директор училища) пересадил всех в грузовик и успел впихнуть в отъезжавший эшелон, где люди, как сельди в бочке, стояли друг за другом. Дину держали на руках, а Илюшу сунули под лавку.

Поезд шёл на восток, но высадили всех в Ростове. Город был на военном положении. Строжайше соблюдался комендантский час. Вокзал был окружён конной милицией. На вокзале распределяли, куда кого отправить в эвакуацию. А мамин брат Пётр перед самой войной закончил институт инженеров железнодорожного транспорта. Этих специалистов не брали на фронт, чтобы бесперебойно работала железная дорога. Решили ехать к нему в город Энгельс, куда его направили, – в столицу поволжских немцев.

Станция Покровск. По приезду туда семья была потрясена увиденным: мёртвый город, захламлённые в спешке отъезда улицы, пустые дома. Немцев выселили, боясь их предательства в случае оккупации. Отца устроили маляром, маму прачкой в госпиталь. Начались холода, и несколько оставшихся местных русских семей помогли беженцам какой-то одежкой и домашней утварью. Через несколько месяцев пришёл багаж, отправленный ими из Ростова, и это было чудо из

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

чудес: шла страшная война, а почта, телеграф и железная дорога работали бесперебойно! Голодным и раздетым людям и в голову не приходило вскрыть чужие вещи, что-то украсть!..

А семья Дины боролась с холодом и голодом. В школе малышей встретили с восторгом: чистые, нарядные, прекрасно пишут и читают.

Узнав, что мама Дины с высшим образованием, её послали на курсы РОКК (Российского общества Красного Креста), и она стала работать секретарём при госпитале. Папа работал в железнодорожном депо, вначале маляром, потом построил душ для рабочих, столовую из двух вагонов. Девочка была предоставлена сама себе. Главная мысль – чего бы поесть! В столовой перепадало вылизать котёл после раздачи еды или таз после варки варенья из свёклы. А ещё спасали ягодки паслёна и трава-калачики. Так и прожили всю войну. Правда, с 1942 года детям в школе тоже перепадало по несколько ложек каши на воде. Родители почти не бывали дома – всё время на работе: фронт был совсем рядом – шла Сталинградская битва. Госпиталей было очень много. А в 1944 году у Дины родилась сестра. Мама снова стала работать в школе, а папа инспектировать станции своего железнодорожного узла.

В 1943 году освободили Кривой Рог, и семье Лейбель сообщили, что все их родственники из еврейского местечка и окружающих сёл погибли

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ещё в октябре-ноябре 1941 года. Построенный на месте их гибели памятник в 70-е годы был разрушен антисемитами. А сейчас там вообще водохранилище...

Дина и Генрих Балахнины с детьми

В Кривом Роге одна из сестёр Натальи Дмитриевны – Зинаида Дмитриевна, не успев эвакуироваться, осталась в оккупации и прятала в подвале своего дома евреев: директора школы Муравского Бориса Львовича и соседского паренька, одноклассника дочери – Гдалевича. Когда об этом стало известно в институте «Яд ва Шем» и спасённые люди подтвердили эти факты, тётя Зина и её дочь были признаны Праведницами.

А в 1997 году наша Дина с мужем Генрихом Балахниным, с дочерью и сыном, а также с тремя внуками и бабушкой Натальей Дмитриевной репатрировались в Израиль. Все они очень легко нашли общий язык с коллегами-репатриантами.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Генрих был очень уважаемым членом литературного объединения. Он с Диной хорошо усваивал иврит, они даже переводили стихи коллеги с русского на иврит. Генрих очень полюбил Израиль. Он сам собрал четыре велосипеда, на которых с детьми и внуками путешествовал по всей Галилее. Будучи фотохудожником, с любовью снимал виды страны. «Мы с вами одной крови!» – любил повторять он слова Киплинга...

И мама, и муж Дины нашли вечный покой на Земле обетованной. Дети устроены, внуки все считали для себя честью служить в Армии Оборона Израиля. А на стене Дининой квартиры висит портрет того, кто устроил счастье всей этой семьи – Лейбеля Исаака Лазаревича.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

**ЧЕЛОВЕК,
С КОТОРЫМ ВСЕГДА ИНТЕРЕСНО!
ЕФИМ БАРАНОВ**

Ефим Баранов не из тех, кто охаивает страну исхода, кто насмехается над своими комсомольскими мечтами, над своей преданностью Биробиджану. Он во всё это свято верил, вкладывал в свой труд душу и сердце, и не его вина, что пришло другое время. Конечно, оно лучше прежнего, но если бы в него можно было вернуть и молодость, и здоровье, и родителей...

А родом он из Украины, из Луганска, где отец работал на заводе, а мама воспитывала двух детей – сына Фиму и дочь Фанечку. Несмотря на начало войны, одновременно ожидаемое и неожиданное, жизнь в Луганске шла своим чередом. Все предприятия работали, и, казалось, как в знаменитой песне, воевать наши бойцы будут только на чужой территории. Поэтому первого сентября Фима пошёл в первый класс одной из луганских школ. Но проучился чуть больше месяца: начались бомбёжки, эвакуация заводов с их сотрудниками. И 16 октября отец буквально забросил свою семью (жену и двух малышей) на открытую платформу отходящего эшелона. Самого его с завода не отпускали по законам военного времени, вскоре мобилизовали и отправили на фронт. А весной 1942 года он погиб недалеко от Ленинграда, у де-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ревни Красная Горка, о чём семью известило Министерство Обороны, прислав соответствующий документ, именуемый в народе – «похоронка»... Но это будет позднее...

А пока семья его на открытой платформе, обдуваемая всеми ветрами, мчится куда-то на восток, моля бога, чтоб их миновал авианалёт. Но не миновал! Ночью фашистские самолёты, при страшном свете наших прожекторов, пытавшихся их ослепить и обезвредить, прорывались к эшелону и бомбили его. И только опыт и умение машиниста, спасавшего и беженцев, и себя, позволяли поезду мчаться далее. И даже на редких остановках ни дети, ни мама не спрыгивали с платформы, потому что невысокая, хрупкая женщина не могла бы их посадить вновь на платформу и сама забраться на неё... А вторая бомбёжка казалась бесконечной: самолёты возвращались по несколько раз, сбрасывая свой смертоносный груз, и всё же беженцы добрались до Средней Азии и прибыли в город Самарканд, город старинной и древней культуры.

Семье дали жильё в караван-сарай – это гостиница для колхозников, приезжавших продавать

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

скот. На первом этаже были стойла для скота, на втором – длинный балкон по всему периметру глинобитной кибитки.

Сам этот район, как и его старинные здания и кривые улочки, существовал, примерно, с 1200-х годов... Жили Барановы с родственниками, на 6-7 квадратных метрах размещалось семь человек. Ночью зимой вода замерзала, днём температура доходила до 46 градусов жары. Эвакуированных было очень много, поэтому семье Барановых ещё повезло получить такое жильё. Мама работала, а Фиму в первый класс она не пустила: во-первых, классы были переполнены, учились в две смены, а во-вторых, не с кем было оставлять сестрёнку.

Только с осени 1942 года девятилетний Фима пошёл в первый класс. Учился хорошо, но мучил голод. А тут ещё извещение о гибели отца. Даже когда освободили Украину в 1944 году и родственники засобирались домой, Барановым некуда было ехать: жильё и до войны у них было съёмное, отец погиб, никто их не ждал. Они остались в Самарканде.

«А в 1946 – 1947 годах начался такой голод, что страшно вспоминать, – рассказывает Фима. – Маме, которая, не разгибая спины, работала по 12 часов в день, шила полушубки из овчины для военных, полагалось 400 грамм хлеба, а нам с сестрой как иждивенцам – по 250 граммов на весь день... Я быстро рос, мне уже было 13 лет, и чув-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ство голода было сильнее всех запретов: я стал приворовывать, связался с дурной компанией...»

И тогда мама решила определить сына в ремесленное училище, тем самым добиваясь нескольких целей: подросток будет под присмотром взрослых, плохо ли – хорошо ли накормлен, да и специальность какую-то приобретёт! Но возраст не подходит – ему нет 14 лет. Всё же нашлись добрые люди и помогли матери и сыну. И с октября 1946 года Ефим Баранов – учащийся ремесленного училища, который получает в день – вот оно счастье! – целых 800 граммов хлеба и горячую поллёбку в придачу! Как же тут не учиться отлично? Так он и учился, хотя иного прозвища от одноклассников, чем «рыжий» и «жид», не слышал.

И тут в Самарканде появляется агитатор из Биробиджана и заставляет семью задуматься над будущим. Так что в 1948 году целый эшелон еврейских семей из Средней Азии отправляется строить Еврейскую автономную республику. Здесь семью встретили хорошо. Мама работала швеёй на фабрике, Ефим работал слесарем, сестра училась. Получили комнату и стали понемногу обживать. Но Ефиму хотелось дальше совершенствоваться в профессии и учиться. Так он освоил профессию механика по швейным машинкам, а в 1957 году окончил вечернюю среднюю школу. Женился, стал отцом дочери Светланы. А после окончания механического техникума Ефима

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

пригласили на должность заместителя главного механика нового предприятия, которые сплошь и рядом открывались в Биробиджане как центре лёгкой промышленности Дальнего Востока. На этой должности он работал до пенсии. Правда, к этому времени ушла из жизни его жена, а дочь уехала в Израиль. Ефим не мог уехать с ней из-за больной матери.

Ефим Баранов

Только в 1995 году он репатрировался в Израиль, в Тверию, где прожил у дочери год, а потом поселился в Димоне, которая пришлась очень по сердцу нашему герою. Но возраст и болезни не позволили Ефиму жить вдали от дочери, которая настояла на его возвращении в Тверию.

Он живёт в своей квартире на улице Раби Акива, общается с сестрой из Кирьят-Моцкина, с любимой дочерью Светланой, вообще – с людьми, этот благородный, интересный человек, с которым беседовать – одно удовольствие!

ГАРИЙ ГАЛЬПЕРИН

У него молодой и весёлый голос, а на мой вопрос о метапелет (социальном работнике в помощь пожилым людям) недоумённо пожал плечами и гордо ответил: «Мы с женой и сами справляемся!» И я от всего сердца порадовалась за героя моего очерка – Гария (Гари) Гальперина.

Он родом из Харькова, где до войны работал инженером на заводе его отец. Мама работала в банке. В семье росли двое детей – старшая дочь и младший Гарик. Он мечтал о школе, но пока только провожал до школы сестру.

А в то солнечное воскресное утро сирены завывали так страшно, самолёты-разведчики пролетали так низко, что мирные жители всё поняли и без выступления Молотова. Перепуганная сестра плакала, а шестилетний Гарик, наоборот, воспринимал этот налёт как игру...

Во дворе на Сумской, 13, где они жили, установили зенитки, которые обслуживали девушки-

зенитчицы. Они угощали малышей ирисками, а по утрам дети собирали гильзы после ночного обстрела зенитками вражеских самолётов.

До войны. Гарик – первый слева

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Между тем эвакуировали завод вместе со специалистами, значит, вся семья вместе с отцом-инженером покидала Харьков, причём, в последнем эшелоне. Так получилось, что их эшелон шёл после состава с ремесленными училищами, где были ещё и санитарные вагоны, а фашисты буквально охотились на вагоны с Красным крестом и нещадно бомбили их. Раненые прятались под вагонами, а немцы на бреющем полёте расстреливали выбегавших из вагонов людей. Машинист их эшелона маневрировал, чтобы не попасть под бомбёжку. Однажды Гарик с таким же малышом заигрался на перроне и отстал от поезда. Но всё-таки мальчишки догнали поезд, и их втащили в последний вагон-теплушку, где посредине вагона стояла железная печка-буржуйка, а по бокам нары...

Так они добрались до Урала, прибыли в город Нижний Тагил. Их распределили в посёлок Дальянка (сейчас это современный район большого красивого города Нижний Тагил). А тогда – посёлок при заводе «Уралвагонзавод». Там работали папа и мама. Зима 1941 года была просто зверской. Отцу от посёлка до завода надо было пройти 12 километров. И он отморозил ноги... Через год они переехали в посёлок «Уралспецстроя» при самом заводе. Также при заводе была столовая, где кормили и рабочих, и детей. Правда, баланда была не очень сытной. Поэтому Гарий по

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

сей день помнит, что картофельные очистки не выбрасывали, а кусок чёрного хлеба был как подарок. Горсточка жмыха из соседнего совхоза при случае оказывалась в карманах детских штанишек...

После войны окончил школу и поступил в Уральский Политехнический институт. Закончил два факультета: сталеплавильный и литейный. Семья так и осталась после эвакуации на Урале. «Хотя климат там жёстче, чем в Харькове, но люди добрее, искреннее», – объяснил Гарий. В этом же городе встретил он свою любовь – жену Лизу. Родились у них двое детей.

Потом они всей семьёй репатрировались, и сейчас их три семьи живут в Израиле. Твериане знают эту пару как больших и талантливых любителей танцев. Ещё недавно они открывали своими танцами все вечера отдыха в Тверии.

Гарий в Израиле

Всем сердцем полюбили они Землю обетованную, но не забывают и часто навещают страну исхода – Россию.

БЛОКАДНИК СОЛОМОН ГОРДИН

Я давно и хорошо знакома с Соломоном Гординым. Кажется, всего пару лет назад он лихо носился на велосипеде по извилистым и гористым улочкам Твери на зависть мальчишкам и девчонкам! Но время унесло с собою дорогую супругу и отщипывает потихоньку по кусочку здоровья. Да и годы всё тяжелей давят на плечи. Но он не сдаётся – такой же общительный, интересный собеседник. Ещё бы! Ему есть о чём рассказать и ровесникам, и молодёжи.

Он родился в красивейшем городе России и Европы – в Ленинграде – и жил до конца 40-х годов рядом с Исаакиевским собором. Это был не просто дом, а дворец графа Лобанова-Ростовского, превращённого Советской властью в коммунальную квартиру на 35 жильцов. Часть дворца занимала женская школа, где только актовый зал располагался на ста метрах!

Солик с сестрой до войны

В одной из комнат проживала семья Гординых: отец, мать и двое детей. Отец работал меха-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ником, мама воспитывала сына и дочь. Солик, как звали его в детстве, очень рано научился читать. Ещё до школы ему разрешали выбирать книги в библиотеке, и он особенно любил книги по истории.

Его дедушка и бабушка жили в посёлке Сено на границе Белоруссии и Польши, и каждое лето семья отправлялась к ним в гости: лес, река, ягоды, грибы – одно удовольствие после холодного и дождливого Ленинграда. Вот и в это лето 1941 года родители с 13-летней Ниной и 6-летним Соликом были в этом еврейском местечке, где половина жителей говорила на идише, а половина по-польски и по-белорусски. Но отец настоял, чтоб семья вернулась в Ленинград: очень уж тревожные вести приходили из оккупированной Польши.

Началась война. Отец по возрасту уже не мог быть призванным в армию. Но он служил в пожарной части города. Немцы бомбили Ленинград, ежедневно забрасывая его зажигательными бомбами. Мужчины-жильцы обошли весь дом и собрали все ванны. Установили их на крыше, насыпали в них песка. Когда падала очередная «зажигалка», дежурные щипцами хватили её и – в песок. Так и спасли дом. А по соседству дом сгорел от «зажигалки». Дежурила на крыше и сестра Нина, поэтому туда пробирался и тушил в песке осколки бомб и Солик, хотя детей туда не пуска-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ли, и его наказывали за это. Однажды немцам удалось поджечь здание архива, где хранились документы ещё с петровских времён. Архив горел неделю. Пожарным не удалось его спасти. Отец Солика, очевидно, надышался угарным газом и погиб...

Конечно, блокада – это прежде всего голод и холод. Иждивенцы получали по кусочку чёрного хлеба, работающие – по два кусочка. «Но мама с осени успевала заготовить какие-то крупы и травы. Если б не они, мы бы погибли. Правда, ещё нас поддержала посылка с фронта от маминого старшего брата. Он прислал нам шоколад, и мама по кусочку давала нам. Ещё нас спасло то, что мы жили всего в двухстах метрах от Невы, каждый день брали воду, кипятили её на печке-буржуйке, для которой у нас был запас дров в подвале, потому что в нашем Дворце не было парового отопления, зато были дрова. Кипяток нас тоже спасал. Когда застыло Ладожское озеро, дядя предложил маме уехать из блокадного города. Но мама отказалась, потому что не хотела утонуть с детьми в Ладоге после бомбёжки. Лучше тихо умереть с голоду», – вспоминает Соломон.

Но они – слава Богу! – выжили, дождались прорыва блокады и Победы. Правда, не без горьких потерь: оставшихся в Сене дедушку и бабушку вместе со всем еврейским населением фашисты

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

расстреляли в первые дни войны, а городок почти сровняли с землёй.

После войны он сел за парту уже переростком, но учился хорошо. Затем закончил технический вуз. Получил профессию инженера-технолога и работал на Балтийском заводе. Отслужил в армии срочную службу и хорошо понял, почём фунт лиха для еврейского парня в Советской армии рядом с антисемитами...

Соломон с женой и внучкой

После женитьбы молодой семье пришлось переехать в Киев, так как для маленькой дочери был вреден климат Ленинграда. В Киеве он работал слесарем 7-го разряда. Спустя время повзрослевшие дети репатриировались в Израиль. А за ними потянулись и Соломон с Людмилой. Все, кто их знал, очень уважали эту семью. И, хотя Соломон Гордин сейчас один в своей квартире, но он окружён заботой детей и внуков. О нём заботятся и социальные службы страны.

Коммуналку между тем расселили, но люди были этому не рады, так полюбили свой Дворец!

**ТОЛЬКО В ТРУДЕ ЧЕЛОВЕК ОБРЕТАЕТ
СВОЁ СЧАСТЬЕ
СОФИЯ ГОРЕЛИК**

Маленькие местечки Белоруссии и Украины ещё до революции были «чертой оседлости для евреев», то есть им разрешалось там жить и заниматься ремёслами. Поэтому так много евреев, рождённых именно в «идише штетлах» - еврейских местечках.

Вот и Софочка Горелик, урождённая Шульман, тоже родом из белорусского местечка Азаричи, где в семье сапожника Шульмана росло четверо детей и где мама полностью отдала себя воспитанию детей. До войны двое старших – брат и сестра – учились в школе, а Софочка помогала маме нянчить крохотную сестрёнку. Так и жили в надежде на будущее...

И вдруг война. Казалось, местечко будет стёрто с земли этими страшными бомбёжками, когда в один сплошной вопль сливались и крики людей, и ржание обезумевших лошадей, и клекот кур и гусей! А тут ещё сосед прибежал и кричит: «Убегайте! Немцы вас не пощадят!» Но ему никто не верил, и так страшно было бросить нажитое в труде большое хозяйство и с кучей детишек ехать в неизвестность! Отца не призвали на фронт, он

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

был очень близорук и устроился на военный склад кладовщиком.

Но через две недели отец решил: достал лошадь, усадил на подводу маму с малышами и детей своего друга, а взрослые шли пешком. Так лесными дорогами, спасаясь от вражеских налётов, дошли до Украины. Брат поймал в лесу ещё одну лошадь, и беженцы добрались до Курска. В этом городе на вокзале им удалось сесть в поезд и отправиться в ту самую неизвестность, которой они так боялись. А в дороге их сопровождали чуть ли не ежедневные бомбёжки, взрывы соседних вагонов, крики детей, потерявших родителей. Так они доехали до Ташкента, где малышка, которой не было и двух лет, заболела воспалением лёгких. Мама осталась с ней в больнице Ташкента, а отец с тремя детьми поехал дальше, в город Джизак, в Узбекистане. Некоторое время жили в кишлаке под Джизаком. Но потом отец привёз из Ташкента мать с малышкой, и они вернулись в Джизак.. А в 1942 году их постигло новое горе – средний сын умер от бруцелёза. Еды не хватало, вместе с местными детишками ловили черепах. Отыскивали их гнёзда с яйцами, варили и ели. Грызли макуху и жмых. Любили лазать по деревьям и есть тутовник (шелковицу). Однажды, сидя на дереве, Софочка увидела в окне, как пекут хлеб в пекарне, и не могла оторвать глаз от этого зрелища. Из дома вышла женщина и протянула девочке довольноно

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

большой кусок горячего хлеба, «Мы ели его всей семьёй с таким наслаждением, как даже торт не ели!» - вспоминает София Горелик.

Так и дожили до победного 1945 года, когда вернулись в Белоруссию, сначала в родное местечко Азаричи.

София с родителями и сестрой.

Война только кончилась.

А там погибли все, кто не успел уехать. Мало того, фашисты устроили в этом городке «лагерь смерти»: согнали туда всех евреев и русских активистов-коммунистов. 150 человек живьём закопали в землю. Среди них была родная тётя Софии и её муж. Говорят, несколько дней земля дышала, шевелилась, а полицейские из местных предателей и фашисты наслаждались своей работой...

Шульманы переехали в Калинковичи. Папа по-прежнему сапожничал, брат устроился на работу в военную часть. А Софочка частным образом училась портняжному делу у одной мастерицы.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Вскоре она сама научилась не только шить, но и отлично кроить ткани.

Вышла замуж за Горелика, родила трёх сыновей. Правда, один из них погиб в Советской Армии в мирное время... Она проработала в стране исхода 40 лет. А потом репатриировалась вместе с мужем и сыновьями в Израиль, где продолжала обшивать наших модниц.

В наши дни. В Израиле.

Они с мужем вырастили прекрасных детей и дождались внуков. Но муж уже покоится в земле, а Софья живёт с семьёй сына и невесткой, которой не нахвалится, с внуками. Рядом та самая младшая сестра Тамара. А в Афуле – семья другого сына. Вот так в труде закаляется характер, сила и воля человеческая. Так спокойно и светло живёт наша Софья Горелик в окружении близких людей.

**ОНА ОТПРАВЛЯЛА КОРАБЛИ
В ДАЛЬНЕЕ ПЛАВАНИЕ.
ГАЛИНА ДОРДИЙ**

Есть в Украине большой, зелёный, уютный город у «самого синего в мире – Чёрного моря». Нет, не торопитесь: это не Одесса, это Николаев – город корабелов, кораблестроителей. И героиня нашего очерка Галина Дордий родилась в нём.

Прежде, чем рассказать о ней, поговорим о её семье: ведь без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Семья её отца родом из местечка из-под Винницы. У деда с бабушкой было 10-ро детей, и, чтобы всех досыта накормить, мать почти ежедневно лепила вареники, подчас забывая поесть в течение дня. Однажды, очень голодная, она усе-лась ужинать со всей семьёй, и у неё случился, как говорят в народе, заворот кишок. Поблизости не было врачей, и молодая женщина умерла. Её сын, будущий Галин отец, поклялся выучиться на врача и спасать людей.

Так и вышло: он поступил в Одесский медицинский институт. Но семья была очень бедная, юноше нечем было платить за квартиру, и он большей частью ночевал в морге... Но институт закончил и стал хорошим врачом.

Познакомился с девушкой-красавицей, поженились, родились две дочери. Но ни мама, ни старшая сестра Белла не любили домашние хлопоты.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ты: уборку, готовку. Всё это было на хрупких плечиках Галинки. Она уже в 12 лет могла и дом привести в порядок, и на рынке купить необходимые продукты, и обед на семью приготовить. Но всё равно она вспоминает довоенное детство с радостью: друзья, игры, мечты о будущем. Войны никто не ждал после «Пакта о ненападении», подписанным Молотовым и Риббентропом.

В то утро 22 июня 1941 года все гуляли в парке у моря, спешили к яхтклубу, основанному ещё Светлейшим князем Потёмкиным. Между прочим, Галина любит цитировать его письмо к «голове» городской управы, где он пишет: «Не забудьте о евреях. Без них не будет ни торговли, ни развития города». И вдруг в это солнечное утро, почти в полдень, в 12 часов дня, тот же Молотов объявил о вероломном нападении Германии на СССР!

Началась война. Отца как военнообязанного в чине майора медицинской службы назначили начальником эвакуационного пункта госпиталей. Он сообщил маме о необходимости срочно эвакуироваться и брать с собой тёплые вещи. Но семья успела сесть в последний эшелон, увозивший недостроенные корабли и оборудование старейшего завода Марти. Это произошло за два дня до оккупации города фашистами. Ехали по двум направлениям – корабли сгрузить в Севастополе, а новый завод

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

строить на Урале. Но вскоре после героической обороны пал и Севастополь.

А в том эшелоне были три «теплушки» для гражданских лиц: рабочие, инженеры и их семьи направлялись на Урал строить завод. Галинка вспоминает, как они ехали на Восток, а навстречу, на Запад, на фронт, сопровождая пушки, танки, пулемёты мчались наши защитники, молоденькие бойцы Красной Армии. И у девочки сжималось сердце от жалости, предчувствуя, как немного их вернётся с поля боя... Проезжали и мимо разбитых вокзалов, усеянных трупами. Но добрались до Демидовских заводов, до посёлка Демидово. Встретили их местные жители хорошо. Делились всем, чем могли. Галя вспоминает, как хозяйка лечила её, простывшую в непривычно холодном климате Урала, горячим молоком. Маме было некогда, она тоже работала в госпитале. Здесь девочка пошла в школу и проучилась 2 года.

А потом отца перевели в Среднюю Азию. Правительство боялось, что Иран может вступить в войну на стороне Германии, и в Средней Азии нужны были такие кадры, как отец Галины, военврач, начальник эвакуационного пункта госпиталей. Он вызвал к себе в Ашхабад и свою семью. Пока ехали, Галинка заразилась сыпным тифом от грязных, завшивленных детей. Эта болезнь оставила тяжёлые осложнения на всю жизнь... Здесь было всё по-другому: люди, обычаи, жильё, климат, пища.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Но девочка училась, изучала туркменский язык, привыкала, а потом переехали в Ташкент: сестра окончила школу и поступила в Ташкентский индустриальный институт. Со временем стала перwokлассным специалистом.

В 1945 году семья вернулась в Николаев: отца отозвали на восстановление поликлиники. Сестра перевелась в институт, Галя продолжала учиться в школе. Мама больше не работала. После того, как дочка окончила школу почти отличницей, родители мечтали видеть Галю врачом. Но в Одесском мединституте отцу дали понять, что «пятая графа» не даст ей поступить. Вернулись домой, и дочка поступила в кораблестроительный институт, продолжив семейную династию корабелов.

Всю жизнь Галина работала на судостроительном заводе инженером. «Если б не Ваша пятая графа, - сказал ей однажды директор завода, - знаете, кем Вы могли бы стать?!» Но она не в обиде на судьбу: вышла замуж, родила дочь. Очень любила свою работу. Выпускала в дальнее плавание корабли, разбивая об их борта бутылку шампанского. Такой чести удостоивали не всякого корабела, а Галина Дордий участвовала в этой почётной церемонии.

В 68 лет ей предложили работу в «Джойнте», и она отлично справлялась с нею, заслужив грамоту. И муж, и дочь, и зять все были

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

корабелами и гордились этим. Но пришли «лихие девяностые», они остались без работы.

Молодёжь репатрировалась в Израиль, муж умер, и Галина в 2003-м году поехала за детьми. В Израиле, в Тверии, ей помогла пройти абсорбцию и полюбить страну Обетованную руководитель кружка репатриантов Шошана, о которой Галина вспоминает с большой любовью. Сейчас Галина Дордий живёт одна, но окружена заботой близких родных людей и вниманием социальных служб нашей страны. Здоровья ей и бодрости на долгие годы!

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В НАШИХ СЕЛЕНЬЯХ... МАРИЯ ДРЕЕР

Я много лет не перестаю удивляться этой женщине: встретив её, вы никогда не догадаетесь о её возрасте; никогда не увидите её неприбранной, без причёски и маникюра, обязательно в её любимой белоснежной шляпке и на каблукках. Словно у неё всегда отличное настроение, настолько бодрой и свежей она выглядит. Просто образец женщины!

Это Мария Дреер, для меня – Машенька. Сегодня

она расскажет нам с вами о своём детстве, загубленном войной, о том, как ей удалось выжить в том адовом котле и стать такой, какая она есть.

Вспоминая о своих первых десяти предвоенных годах, она будто молодеет на глазах...

Отец, разочаровавшись в коллективизации, хотя был председателем колхоза, убедился, что чем больше вырастишь зерна и овощей, тем больше отберут. А колхозникам как выживать?.. В общем, умный человек вовремя ушёл с этой «почётной» должности, переехал в городок Мозырь, купил там сруб и построил для семьи двухэтажный дом. В семье росло трое детей, а сам он стал работать заместителем начальника электростанции. А у мамы вообще были зо-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

лотые руки швеи. Она шила наряды городским модницам, и о ней с восторгом говорили и в Гомеле. Так что семья не бедствовала. Брат и Маша учились в школе. Старшая сестра вышла замуж за начальника речного порта, родила ребёнка. Счастье поселилось в их доме, в семье Гутман (на идише – добрых людей). Казалось, так будет всегда. Увы! Человек мечтает, а бог себе посмеивается – гласит еврейская пословица: началась война.

В первые же дни войны с фашистами зять отправил жену с годовалым ребёнком в эвакуацию, в помощь ей поехал и братик. Они эвакуировались в Азербайджан. А через несколько дней буквально в последнем эшелоне успели уехать из Мозыря и родители с десятилетней Машей. Но недалеко они уехали: на станции Бахмач Черниговской области на их состав налетели фашистские самолёты и разбомбили его. По счастью, им удалось спастись, потому что отбежали как можно дальше от пылающих и взрывающихся вагонов... Но остались ни с чем: на Маше – короткое летнее платьице и сандалики... Ни еды, ни питья, ни конфетёнки на плечи...

Наутро выпросили у начальника станции разрешение забраться в «товарняк» и мчаться дальше на восток, потому что немцы вот-вот захватят станцию. Так они добрались до Сталинградской области, в нескольких километрах от города Урюпинска, откуда их на грузовике привезли

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

в колхоз имени Тельмана. На площадь, где их выгрузили, сбежались местные казаки посмотреть на «жидов» и очень удивились, что они без рогов и копыт...

Однако ни одну семью в свои дома они не пустили. И детей не пожалели. Пришлось жить в каких-то наскоро сколоченных из досок халупах, землянках...

А когда начались бои за Сталинград, то даже 54-летнего отца мобилизовали рыть окопы. А он был инвалидом ещё Первой мировой войны, астматик, больной человек. Оттуда привезли уже полуживого домой...

Мама работала в колхозе, и за ударную работу её «премировали» фланелевым платишком для Маши... Кроме того, она обшивала жён начальников, за что Маше разрешалось собирать на бахче ягодки паслёна... Ещё мама варила суп из собранной дочкой лебеды и крапивы. Тем и спасались. До сих пор наворачиваются слёзы, когда Машенька вспоминает об уборке проса: пересохшие, колючие веточки так ранили детские пальцы, что ночами девочка не спала из-за жуткой боли. А наутро надо было опять идти на работу...

Когда в 1944 году освободили Мозырь, родители не стали дожидаться Дня победы и решили возвратиться в Белоруссию. На 20 семей им выделили товарный вагон, подселили осиротевших в эвакуации детей и отправились туда, где были ко-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

гда-то счастливы. Когда грузовик привёз их в Мозырь, отец встал на колени и поцеловал родную землю... Не каждый белорус так любит свою землю...

А город на три четверти разрушен, и их новенький красавец-дом разобран на части и вывезен в неизвестном направлении. Ни одно предприятие не работает. Заказчицы отдавали шелуху от картошки, и мама варила уху из мелкой рыбёшки, которую рыбак-сосед готов был выбросить... Жили на съёме на жалкую отцовскую пенсию — 11рублей. В 1953 году его не стало. Кормило их мамино шитьё. А через пять лет их семья, наконец, получила жильё. Машенька работала на телеграфе, освоив все операции на нём. Мало того, закончила в Минске электротехникум связи, причём, с отличием. Затем и институт, экономический факультет. По своей профессии прошла путь от рядового экономиста до начальника отдела. Сумела построить свою красивую, дружную семью, которая жила, ни в чём уже не нуждаясь. Все члены этой семьи с высшим образованием.

Репатриировавшись в Израиль, наша Мария не гнушалась никакой работы: надо было поднимать семью, устраивать жизнь детей и внуков. Она и сейчас работает в Совете ветеранов, и мы любим эту ухоженную, аккуратную и симпатичную даму при встрече с ней, потому что она вселяет в нас веру в надёжное будущее.

КУЗНЕЦ СВОЕГО СЧАСТЬЯ. СОЛОМОН ЗАСЛАВЧИК

Когда я слушала рассказ Соломона Заславчика о своём детстве, мне казалось, будто он рассказывает обо мне: настолько сходны наши горькие сиротские судьбы военного времени.

Он родился в городе Первомайске Одесской (а ныне Николаевской) области в семье рабочего хлебозавода и домохозяйки и был единственным их сыном. Вскоре отца призвали на войну с белофиннами, то есть он участвовал в так называемой Финской кампании, откуда не многим довелось вернуться живыми. Отцу повезло. Но ненадолго: вскоре началась Великая Отечественная война, которая в Европе уже шла два года как Вторая Мировая. Отца сразу же призвали на фронт, и больше семья его не видела. Получила извещение: пропал без вести.

А мама с шестилетним сыном успели сесть в эшелон, который направлялся на Северный Кавказ, в город Невинномысск. Там их почему-то сняли с поезда. Но мама с сыном успели заскочить на открытую платформу другого состава, где размещалась искорёженная на полях сражений техника. Её направляли на ремонт и переплавку на Урал. Но тут налетели фашистские самолёты и стали бешено бомбить состав. Причём, они кружили так низко, что маленькому Соломону казалось: сейчас они заденут телеграфные провода! И

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

с этого расстояния в упор расстреливали детей, стариков и женщин из пулемётов! Делали вид, что улетают и налетали с новой силой, буквально усеивая трупами перрон и площадь при вокзале. Дважды мальчик с мамой прятались от обстрела в канаве, на третий не успели. Они держались за руки, когда осколки бомбы, попав в маму, разлучили их навсегда. Соломону тоже досталось: ему попало по спине, но не причинило серьёзного вреда. Как писала о бомбе поэтесса Вера Инбер (его землячка, из Одессы):

Упала, не взорвавшись: был металл
Добрей того, кто смерть сюда метал.

Так шестилетний ребёнок в один миг лишился всей радости жизни – матери – и остался один на всём белом свете... Но – увы! – ведь он был не один такой, и детей-сирот собрали на сборном пункте Невинномысска и отправили дальше, в эвакуацию, потому что немцы уже на пятки наступали. Сначала привезли в станицу Барсуки, потом на станцию Машук. Но враги захватили и эту местность. А в приют пришёл какой-то высокий мужчина, ему приглянулся маленький Соломон, и он сказал, что придёт за ним. Но больше не приходил: может, погиб, может, нашёл своих. Неизвестно. Нашим бойцам удалось выбить фашистов из Машука. Мальчика перевели в детский дом в Железноводске. Это был уже 1943 год. Он прожил здесь до 1951 года. Закончил восемь клас-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

сов. Так как он помнил имена и фамилии родных, его воспитатели подали на их розыск, и объявилась, к счастью, родная сестра отца, жившая в Первомайске. Он прожил у неё год, а в сентябре следующего года поступил в Николаевское ремесленное училище и учился там два года. Получил профессию электрогазосварщика. Отработал два года и был призван на срочную службу в армию. Это был 1956 год, и новобранцев отправили на целину собирать урожай. Оттуда перевели во Львов, в полк связи, где служил до 1959 года.

Хотелось жить в городе, но очень трудно было с пропиской. Всё же удалось устроиться в железнодорожное депо г. Николаева, это дало возможность прописаться.

В этом городе он встретил свою судьбу – девушку Раю, они поженились, Родилось два сына. А на железной дороге г. Николаева Соломон Заславчик проработал более тридцати лет. После выхода родителей на пенсию сыновья первыми репатриировались в Израиль.

Соломон в Израиле

За ними потянулись и Рая с Соломоном. И живут они на своей земле уже двадцать три года. Получили «амидаровскую» квартиру. Рядом дети, внуки. А что ещё нужно для счастья? Только здоровье. Мы его им желаем от всего сердца.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ РОЛИНА КАГАРЛИЦКАЯ

Эта уважаемая, доброжелательная женщина родом из Днепропетровска. Отец работал в военкомате, мама была бухгалтером. Девочке было шесть лет, когда началась война. Она до сих пор помнит, что днём налетели на город самолёты с крестами, но дети, ничего не понимая, высыпали из своих домов и стали прыгать и приплясывать под песенку:

Аэроплан, аэроплан!

Полети ко мне в карман!

А в кармане пусто,

Вырастет капуста!

А потом увидела чёрные бомбы, которые этот «аэроплан» сбрасывал на город, начались пожары, кричали и плакали женщины и дети.

Они жили на улице Глинки, что шла параллельно Днепру. Центральный вокзал был уже разбит, и все бежали в рабочие районы, где был вокзал для заводского транспорта. Переправлялись по мосту. Его обстреливали немцы. Мама крепко держала за руку Ролину, а рядом с ними бежала их родственница и тоже вела 5-летнюю дочку. Пулемётной очередью с самолёта убило эту девочку.

Так Ролинка впервые увидела ужас войны и смерти... На вокзале их посадили в так называемые «теплушки» – пустые «телятники» для скота. Поезд двинулся в неизвестность с множеством

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

остановок: переживает бомбёжки, народ мчится за кипятком... Приехали в какой-то порт на Каспийском море. И вдруг встреча с отцом! Какая радость! Как говорится: не было бы счастья – да в несчастье повезло: у отца на фронте случилось обострение язвы желудка, и его отправили лечиться. А здесь к мужчинам обращались вербовщики, предлагая им работы на так называемом трудфронте.

Так родители с Ролинкой оказались на Урале, в Оренбургской области, в посёлке Кретинг. Их поселили в барак и дали комнату на две семьи. В одной половине разместилась семья Ролины, а в другой женщина с сыном. Морозы стояли дикие. Папе на работе выдали ватные штаны, а из маминой юбки выкроили брюки для Ролины. Здесь девочка в девять лет пошла в школу и проучилась 4 класса. Здесь они встретили Победу. Получили 2 комнаты в том же бараке, и в победный год родилась в семье младшая сестричка. Так они прожили на Урале до 1947 года.

Потом вернулись в Днепропетровск, который ещё весь лежал в развалинах. 7 классов закончила в родном городе, а с 15 лет пошла работать. Узнала, что в Одессе открылось заочное хле-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

бюпекарное производство. Ролина его закончила и получила диплом техника-технолога хлебопекарного производства. Но проработала она по этой специальности только четыре года, так как стала постоянно болеть из-за трёхсменной работы. Вышла замуж. Своих детей не было, но помогала растить племянников. Муж умер перед репатриацией. С 1991 года Ролина Кагарлицкая живёт в Израиле. Здесь же живут её родственники, которые о ней заботятся.

Это интервью я взяла у Ролины, когда она лежала в больнице. Могла бы и отказать мне в беседе, но сочла нужным

поговорить. И так хорошо мы пообщались с этой милой дамой. И я, и все ваши будущие читатели от всего сердца желают Вам крепкого здоровья, дорогая Ролина.

Ролина Кагарлицкая в наши дни.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

**«УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ»
МАРИЯ КУПЕРШТЕЙН**

Манечка Куперштейн родилась в городе Славута Хмельницкой области. Это Украина, зелёная, цветущая, очень красивая. Семья была большая: дедушка, бабушка, мама Этя, папа Цалик, Манечка. Ещё у мамы было три сестры и младший брат. Но когда девочке исполнилось четыре года, умер её отец. Жить стало труднее. Мама работала на фарфоровом заводе. А дедушка был удивительным мастером - золотые руки.

У них был прекрасный дом из девяти комнат. Дедушка соблюдал все еврейские традиции, и они, естественно, соблюдались в семье. Манечка мечтала о школе, и только осенью, в октябре, ей должно было исполниться семь лет.

Но летом началась война. Украину и Белоруссию фашисты беспрестанно бомбили.

Маниной семье было очень нелегко: тётя Соня была беременная – на сносях, тётя Черна – во время одного из фашистских налётов жестоко пострадала – повредила в уме. И все они, с бабушкой и дедушкой, с мамой и Манечкой пошли пешком в город Казатин, где жила ещё одна сестра мамы с сыном, чтобы вместе эвакуироваться. Бабушка несла мешок с простынями в ожидании скорых родов младшей дочери. Больше почти ничего не взяли.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Фашисты не только бомбили, но и стреляли по беженцам из пулемётов. Спасение – лес. А в лесу стоял поезд, переживавший бомбёжку. Они сели в этот поезд и так доехали до Казатина.

А у дома тёти Жени – замок и овчарка: хозяев мобилизовали на фронт, т.к. она – медсестра, а он – стоматолог. Они вернулись на вокзал. Сели в поезд. Опять бомбёжка. Снова спасаются в лесу. А там выгрузили раненых и кормят их горячей едой. И солдаты накормили горячей едой всю семью. Только бедная Черна ничего не ела, а только кричала: «Война! Война!»

В лесу к дедушке подошли трое незнакомцев и стали спрашивать дорогу на Киев. Дедушка сразу сообразил, что это неспроста. Он им ответил, что они не местные, не ориентируются здесь. А сам сообщил об этом начальнику поезда, в котором размещался «госпиталь на колёсах». Того уже предупредили, что враги высадили в этих местах десант. Собрали группу бойцов для поимки вероятных врагов. А семью дедушки в благодарность подвезли на машине к Фастову.

В Фастове распределяли, кого куда отправлять в эвакуацию. Семью Манечки – в Куйбышев. Оттуда – в село Приволжье. Вокруг красота – Волга и её дивные берега. Рядом Сталинград.

Поселились в маленьком домике с красными от клопов стенами... Зайти было невозможно. Бабушка нарвала в степи полынь, развесила по всем

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

стенам, и клопы стали разбегаться. Все намазались керосином, иначе было не заснуть.

Мама работала на военном заводе, готовила обеды руководству завода. Если приходила дочка, то и её кормили. Так и жили. Маня с мамой и тётя с грудным ребёнком спали на печке. А дедушка с бабушкой и тётя Черна на нарах.

Как-то ночью привезли и подселили к ним блокадников из Ленинграда. Дедушка и бабушка пожалели их, уступили им нары, сами легли на пол. Бабушка простудилась и через три дня умерла... Дедушка отгородил место на русском кладбище и похоронил там бабушку. Потом к ним приехала тётя Женя с двумя детьми. Мальчик старший всё время хотел есть и вскоре умер. И его там же, на «еврейском кладбище», похоронили.

Чуть позже к ним в эвакуацию привезли тяжело раненного в голову младшего сына дедушки. Весь в бинтах, он не получал никакой медицинской помощи, кроме перевязок, и всё время кричал в бреду: «За Родину! За Сталина!» Ему был 21 год. Как только ему стало легче, он потребовал, чтоб его направили на фронт. Уже разворачивалась Сталинградская битва. Его туда и отправили. Там он и погиб. После войны школьники разыскали его могилу и написали в Славуту.

В Приволжье, под Сталинградом, когда началась битва, открыли госпитали. Тётя Черна

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ходила помогать раненым, а маленькая Маня читала раненым стихи и пела песни.

Школы в Приволжье не было, а в соседнем селе была. Группа детей каждый день ходила туда через мрачный овраг, в котором водились волки. Детям было очень страшно. Но они шли, взявшись за руки, чтоб не потеряться и не заблудиться. Через плечо сумка из тряпок, на ногах туфли из деревяшек – дедушкино изделие. После уроков весь класс вместе с Маней приходил выступать перед ранеными.

А в 1944 году освободили Славуту. И соседи написали, что их дом стоит. Но в нём много поселилось бездомных людей, особенно из сожжённых фашистами сёл. Несмотря на это, все решили возвращаться домой. Односельчане собрали все вместе по кусочку масла, перетопили и дали им с собой. Ещё и буханку хлеба. Так они добрались до вокзала в Сталинграде и были потрясены увиденным: ни одного целого дома! Красавец-город лежал в руинах. На вокзале им пришлось ждать целый месяц поезд, чтоб добраться до Украины. Здесь очень тяжело заболела мама Манечки. Никакой врачебной помощи не было, никаких таблеток и лекарств. Но добрые люди прониклись горем семьи и отвезли её на лодке по Волге в Куйбышев к женскому врачу. С нею была сестра Женя (медсестра по образованию), которая вместе с врачом немного облегчила её страдания...

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Так, с остановками на каждой станции, питаясь одним кипятком, добрались они еле-еле до Славуты. А в доме, как в Ноевом Ковчеге, полно чужих. Все девять комнат заняты. Но дедушка – святой человек – и не подумал прогнать несчастных. Он соорудил какую-то пристройку для своих. Женя с ребёнком уехала к себе в Казатин. Постепенно люди сами что-то находили, переселялись. Освободили столовую, потом зал. Дедушка спал на кровати, мама на клеёнчатой кушетке, Манечка на двух стульях... Так началась их мирная жизнь. Соседи, видя необыкновенную доброту дедушки, который никого не упрекнул в том, что всё из его дома в оккупацию вынесли, стали сами возвращать вещи и делиться продуктами. Манечка по сей день со слезами вспоминает кастрюлю с картошкой и огурчик, который принесли голодающим соседи. А ещё они спасались грибами-шампиньонами, которые росли на обратной стороне деревянных тротуаров рядом с домом... Слух о гостеприимстве деда Ноте Гутмана разнёсся по всей округе, и «квартиранты»-беженцы то и дело сменяли друг друга. Дедушка каждую субботу собирал (конечно, тайно) евреев в синагоге, то естество себя в зале, где более состоятельные делились копейками с одинокими, больными, нищими. Каждого новорождённого мальчика дедушка вместе с его родителями возил в Винницу, где ему делали обрезание. А под Пейсах дедушкин зал (за закры-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

тыми окнами, ставнями и дверями) превращался в пекарню по выпечке мацы и для евреев Славуты, и для москвичей, ленинградцев, казатинцев...

Манечка закончила семь классов. На летних каникулах она подрабатывала в детском саду, подменяя воспитателей, нянечек. Поэтому поступила в педучилище и получила профессию учителя младших классов и пионервожатой. Один год работала вожатой в селе Михнов, где ни одного пионера не было. Но она купила красной ткани, раскроила её на галстуки и стала готовить группу детей в пионеры. Проводила с ними сборы, «линейки». Потом её перевели в Изяслав, где она работала несколько лет – с 1954 по 1960 год. Слава о её работе дошла до секретаря горкома, он приехал посмотреть на её работу и убедился в искренности и преданности молоденькой Марии Цалевны: сборы проводятся, вместе с учениками-пионерами она убирает картофель в сентябре, а сахарную свёклу в октябре. При этом учится в университете заочно. В это же время Мария Цалевна руководила детским хором, с которым выступала и в военных частях.

Мария с мужем.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

В 1960-м году вышла замуж, через год родилась старшая дочь. Через два года переехала в родную Славуту, где и преподавала в младших классах до репатриации в Израиль (1995 г.)

Репатрировалась с мамой (которая прожила 96 лет), мужем и двумя дочками. Дочери очень ценят свою маму, и в день её 75-летия собрали в ресторане много её коллег-педагогов по Славуте и Изяславу со всех концов Израиля. А накануне 85-летия прилетела с Дальнего Востока ученица Антонюк Нина с мужем и сыном, чтоб поздравить свою первую учительницу Марию Цалевну с Днём учителя. Это дорогого стоит!

Наша Манечка, Мария Цалевна Куперштейн, живёт с мужем и семьёй младшей дочери в прекрасных условиях. Неподалёку, в Тверии, – семья старшей. Помимо детей и внуков, у неё четверо правнуков. И это счастье – жить в таком окружении и быть любимой всеми.

*Куперштейн Мария
в Израиле*

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ВЫЖИВШИХ В ХОЛОКОСТЕ ЛЕВ ЛУНГИН

Лев Лунгин родом из Белоруссии, из города Бобруйска. Отец его был военным служащим, а мама работала на телефонной станции. В семье росло двое детей: сын Лев и сестрёнка, моложе его на 4 года. Ещё до войны отца как военнотружущего перевели на Дальний Восток, но мама с детьми осталась в Бобруйске, не решившись отправиться в такую даль с малыши детьми.

Началась война. Решение об эвакуации маме пришлось принимать самой. Села с детьми в поезд, следовавший до Москвы. Оттуда добрались в Московскую область, Дмитровский район.

До войны

Здесь, в землянках, они пожители совсем не много, так как очень близко подошли немцы, они были всего в пятидесяти километрах от Москвы! Неподалёку протекал Московский канал. И мама с детьми пешком пошли в сторону канала. Их переправили через канал, и они жили в каком-то посёлке у незнакомых людей около недели. Потом было наступление под Москвой, и немцев выбили из области.

Сразу после войны

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Мама с Лёвушкой и сестрёнкой вернулись в Яхрому. Там, в доме, они и прожили всю войну. Ещё в военное время Лёвушка пошёл в школу. Мама изо всех сил старалась выходить своих детей, пока отец был на фронте. Она постоянно куда-то ездила, выменивала свои вещи на продукты для детей. Помимо того, работала в энергосистеме. Отец прошёл всю войну и дошёл с боями до Берлина. Потом приехал к семье в Яхрому. Лёва закончил десять классов и тяжело заболел. Были проблемы с ногой, из-за чего пришлось определенное время пролежать в гипсе. Это был санаторий в Московской области, где его проведывала мама.

Вылечившись, он поступил в техникум на вечернее отделение и одновременно работал на прядильно-ткацкой фабрике электриком. Женился. Выйдя на пенсию, со временем репатриировался с женой в Израиль.

Вот уже 55 лет живут они вместе с женой в мире и согласии. Постоянно общаются они и с семьёй его младшей сестры. Так что Земля обетованная пришлась им всем по сердцу. Мазаль тов всем им до 120 с крепким здоровьем!

В наши дни

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

**ЕМУ ДАНЫ «СТАЛЬНЫЕ РУКИ-КРЫЛЬЯ И
ВМЕСТО СЕРДЦА – ПЛАМЕННЫЙ МОТОР»
РОМАН ЛЯНСКИЙ**

Дорогой читатель! Сегодня я хочу познакомиться тебя с удивительным человеком. После трёх-часовой беседы с ним я не только не устала, он словно поделился со мной своим удивительным жизнелюбием, своим оптимизмом, интересом к самой жизни. Я шла на встречу с 92-летним человеком, а увидела перед собой высокого, статного, сохранившего военную выправку мужчину, которому и семьдесят дашь с трудом! Мы сидели на скамье под деревьями напротив многоэтажного дома, где ему выделили небольшую квартиру, и он рассказывал мне о своей очень нелёгкой юности, не только не сгущая краски, но находя забавные, шуточные моменты в самых сложных ситуациях. А уж о памяти его говорить не приходится! Тут Господь Бог отвесил ему полной мерой – могло бы и на десятерых хватить!

Зовут его – Роман Лянский. Родом из Белоруссии, из города Мозырь. До войны он рос в семье, где были ещё сёстры – старшая и младшая. Старшая никак не могла закончить первый класс, и младший брат – этот самый Рома - в свои шесть лет пошёл с ней в школу и помогал ей учиться. Был он нелёгким мальчишкой, хулиганистым, покуривал, но с обострённым чувством справедливости. Так в классе никто не хотел сидеть за одной

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

партой с девочкой, у которой расстреляли отца как «врага народа», а мама её, вчерашний юрист, вынуждена была работать уборщицей. Но Рома не только сел рядом с ней, он защищал её даже от несправедливости некоторых учителей. Ему многое прощалось за его феноменальную память. Никогда не держал в руках учебники, не выполнял домашние задания, но помнил всё, что давали учителя на уроках, что прочитывал в книгах и к началу войны отлично закончил семь классов. К этому времени погиб на работе отец и овдовела его 27-летняя мама...

Началась война. Спасая детей, мама вместе с родственницами мужа эвакуировалась на барже по Припяти, затем по Днепру до Днепропетровска. Дважды они попадали под обстрел, но им удалось доплыть до места назначения. От Днепропетровска сели в эшелон до станицы Тбилисская, затем на лошадях добрались до села Ванновка, что недалеко от Кубани. Родня Ромы составляла одиннадцать человек, им выделили для проживания бывшее складское помещение. Всё сколотили из досок: нары, стол, скамьи. Колхоз выделил им продукты. Полсела были русские, а в другой половине жили немцы (ещё поселенные здесь царицей Елизаветой Петровной). Помогали и те, и другие. Но немцев в августе выселили на Север. Мама с тёткой и старшими сёстрами работали в поле. Рома работал на лошади и учился в школе. Но

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ослабевшая мама заразилась тифом и вскоре умерла. Дети совсем осиротели. Председатель очень жалел сирот, но немцы наступали, надо было бежать из села. Он принёс детям продукты, деньги, одежду и сказал, чтобы утром все уехали: немцы близко.

А наутро дети проснулись и увидели, что они одни: родная тётка бросила сирот и ушла из села со своими детьми... Пришлось самим бежать до станции, где стоял эшелон. Вагоны пассажирские даже не открывались, в товарняках везли на фронт кубанскую пшеницу, а на платформах стояла военная техника. Дети забрались в товарняки с зерном, зарылись, чтоб согреться: стоял холодный октябрь. Но, не доехав до Моздока, состав атаковали «юнкерсы». Они сходу разбомбили эшелон, а когда люди выскакивали из вагонов, их расстреливали из пулемётов. Ромка закричал сёстрам: «Под вагоны! Прячьтесь под вагоны!» Так он спас и себя, и сестёр. Большую часть беженцев фашисты убили. Паровоз тоже был взорван. Пришлось его менять, отцеплять сгоревшие вагоны. Теперь – увы! – нашлось место в пассажирском вагоне и для нашей троицы...

Так они доехали до Махачкалы (Дагестан) и пришли на морской вокзал на Каспийском море. Он был забит сотнями людей, нашедшими здесь единственное убежище от холода и бездомья. И наши дети отыскивали какой-то уголок на цемент-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ном полу и так в голоде, холоде, оборванные и вшивые прожили здесь почти полгода с октября по март 1942 года. Ночами стояли в громадной очереди за хлебом. Счастливицам удавалось отправиться на теплоходе в Среднюю Азию, а Лянских не было даже в списках эвакуированных.

Только последний теплоход взял их на борт. Это был уже конец марта. Теплоход шёл на Баку, потом в Красноводск. Когда подвезли хлеб, Ромку чуть не сбросили в море, как только он потянулся за своим куском хлеба... В Красноводске он повсюду искал хлеб, чтоб накормить сестёр. Он встретил солдата с вещмешком за спиной.

– Дяденька, у тебя хлебушка нет? – спросил он и неожиданно заплакал.

– Помоги, сынок, мешок снять, раненый я, – и солдат щедро поделился с пареньком своим пайком: полхлеба и полкольца колбасы.

Счастливее его сестрёнок в ту ночь не было...

Добрались они до Ашхабада и увидели в свободной продаже хлеб!.. Ошеломлённый Рома купил сразу десять буханок на деньги, выданные ему ещё председателем колхоза.

А в Кушке – самой южной точке страны – жила одна из маминых сестёр, жена офицера-пограничника. Получив письмо от осиротевших детей, (тут я не могу не прервать себя от восторга перед работой почты в такое страшное время!) родственники стали оформлять документы на

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

въезд на заставу, и вскоре дети оказались в объятиях родни. Целый день их отмывали и отскребали от полугодичной грязи, пока они смогли наконец переступить порог дома во всём чистом из дядиных и тётинных одежек...

Старшую сестру шестнадцати лет отправили к другой тёте в райцентр, под её присмотр работать в больнице лаборанткой. Дядя-офицер-пограничник, уезжая в действующую армию, наказал младшим учиться в школе, причём на класс ниже, будучи уверенным, что после стольких мучений эвакуации у них из головы всё выветрилось. Но Рома заявил: «Буду учиться только в 8 классе! Ниже – ни за что!» И за неделю испытательного срока он получил пять отличных отметок по основным предметам, ещё раз блеснув своей феноменальной памятью. К сожалению, после 8-го класса не было в школе продолжения учёбы. Всё лето Рома работал чабаном, пас овец, изучал на почте азбуку Морзе.

А в конце августа отправился в военкомат с просьбой послать его в армию «сыном полка». Но вместо этого он получил направление в Одесскую спецшколу ВВС, в 9-й класс, располагавшуюся в военное время под Самаркандом. Забыв на радостях деньги, он добирался до города на крышах вагонов, далее под лавкой автобусов. Но добрался.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Это была обычная школа, где преподавались на высоком уровне все предметы плюс военная и строевая подготовки, уставы. Казарма, форма.

Не хватало еды, голодали, завелись вши... Рома заболел малярией, приступы которой мучили его очень долго. Он помнит, как больного, без сопровождения, его отправили в Самарканд в 70 километрах от школы.

Затем опять Кушка, где приступы мучили его ещё в течение двух месяцев . Он по сей день помнит 10 июня 1944 года – день своего последнего малярийного приступа! А в школе его уже «похоронили», но он явился и сдал все предметы, так что его ставили в пример другим учащимся.

В этом же 1944-м поступил во Фрунзенское авиационное училище. Всё бы ничего, но он опять заболел, а врачи решили, что вернулась малярия, и опять его отправили без сопровождения ночью в госпиталь. Перевели в общую больницу, откуда решили выписать, но анализ показал – тиф! И юноша две недели был без сознания, в коме. Еле-еле его выходили, спасли. Затем начались его хождения по училищам. В одном из них, в Узбекистане, их учили летать на лёгких самолётах. А командовал ребятами некто Зуб.

Однажды усталые голодные курсанты возвращались в казармы на ужин, а Зуб командует:

– За-пе-вай!

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

В ответ молчание. Повторный приказ – опять молчание. И в третий то же самое. Он направил их прямо в лужу и приказал лечь! Курсанты легли. А мимо проходила старушка:

– Ах, ты фашист проклятый! – закричала она, глядя на лежащих в холодной воде подростков. – Что ж ты над детьми издеваешься?

После ужина, к которому никто из курсантов не притронулся, они устроили ему ночью «тёмную». После того его (Зуба) то ли уволили, то ли перевели в другое место...

По окончании училища Роман Лянский попал в эскадрилью, расположенную на станции Луговая под начало капитана Окназова. Поговаривали, что он был раньше инструктором Василия Сталина... Война закончилась. Их собирались отправить на корейскую войну, но – слава богу! – не сложилось.

После репатриации жил в центре страны. Сейчас живёт в Тверии. Из окна его квартиры на седьмом этаже открывается замечательный вид на озеро Кинерет, на зелёные и золотые холмы нашего города. А ещё на седьмом этаже кажется близким небо. Можно протянуть руку, потрогать облака и снова почувствовать себя лётчиком.

ЖЕНЩИНА С ВЕСЕННИМ ИМЕНЕМ. МАЯ МИХАЙЛОВА

Вся родня Майи была очень предана Советской власти. Отец и его братья – коммунисты, среди которых были и сотрудники органов безопасности, и редактор районной газеты, и прокурор. Отец Майи был финансистом. Родилась она в Запорожье, крупном промышленном городе Украины.

Когда началась война, отца не мобилизовали, потому что он был инвалидом с детства, хромал. Нога часто воспалялась. А жену с дочкой он отправил в эвакуацию, его же временно задержали, так как он был заведующим райфинотделом. Они с мамой договорились встретиться в Сталинграде. Отец попал в Сталинград, а жена с дочкой были эвакуированы на Северный Кавказ, в Караваево-Черкесскую автономную область, в аул Хабез. Там жили и русские казаки, помимо черкесов и карачаевцев. В семье казаков поселилась семья Майи. Кроме них, ещё раненый еврейский парень лечился, у которого семья в Западной Украине погибла. Позднее он женится на дочке хозяина-казака и увезёт её в Тернополь.

А немцы неожиданно быстро захватили Северный Кавказ, и еврейским семьям пришлось срочно покинуть аул. Им дали лошадей. Образовался це-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

лый обоз. Но помимо эвакуированных надо было увозить ещё и раненых бойцов. Пробивались к городу Баку, где был порт на Каспийском море. Оттуда шли баржи и теплоходы в Среднюю Азию. Но так много собралось людей в порту, что очередь на отплытие длилась целый месяц. Был жуткий голод, антисанитария, и Мая заболела дизентерией. Её положили в больницу, а мама с бабушкой жили на улице, под деревом, неподалёку. Благо, что было лето, и они не мёрзли.

Когда девочка выздоровела, они жили в Средней Азии, в ауле. Мама очень переживала, что не встретила с папой. «Как сейчас вижу свою маму сидящей у печки-буржуйки и плачущей об отце,» - вспоминает Мая. А отец, работая под Сталинградом, попадал неоднократно под бомбёжку. Однажды среди бегущих в панике людей он узнал свою сестру. Она, находясь в эвакуации, написала письмо брату-сотруднику НКВД с просьбой найти брата Петю, то есть отца Маи. Так они и встретились под Сталинградом. А сестра помогла Петру найти семью.

В 1944 году их раненый сосед позвал переехать в Тернополь. Они поехали туда. Но красивый городок был весь разрушен. Позднее, когда его отстроили, он действительно оказался очень красивым.

Мая в войну пропустила два года учёбы. Ещё в ауле она посещала разноуровневый класс,

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

где учились все вместе: кто-то учил буквы, кто-то читал по слогам, кто-то решал задачи – все сидели в одном классе, у всех был один учитель.. А здесь, в Тернополе, ей очень трудно пришлось учиться, особенно по математике. Там жили довольно состоятельные люди, и учителя настаивали, чтоб Мае наняли репетиторов. На какие деньги?! С горем пополам девочка закончила семилетку. Учиться дальше она решила в своём родном городе Запорожье, где жила вся папина родня, где был большой выбор техникумов. И Мая решила поступать туда, где самый маленький конкурс. Так она поступила в строительный техникум. Сдала экзамены хорошо. Но учиться было очень трудно.

По окончании учёбы работала по направлению два года в Котласе, на Севере. Вернулась в Тернополь, в проектный институт, в сметный отдел. Стала со временем хорошей сметчицей, то есть могла грамотно рассчитать, во что обойдётся стройка заказчику. Затем даже возглавила сметный отдел.

Ей хотелось жить и работать в большом городе, и родственница пригласила её переехать в Новосибирск. Здесь Мая жила и работала 30 лет. Прошла путь от сметчицы до руководителя группы. Здесь вышла замуж. Родила сына. Мае нравилось, что эта работа была связана со множеством командировок. Она изъездила Сибирь, Север, Дальний Восток.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Но вот распался Союз. Пришли «лихие девяностые» годы: ни зарплаты, ни еды. Пришлось даже стоять на рынке и продавать свои вещи, чтоб как-то выжить...

Да и сын разочаровался в институте, где учился: толковых знаний не дают...

Мая Михайлова

В Новосибирск приезжали специалисты из Израиля и предлагали евреям репатриацию. Первым решился сын, за ним потянулась и Мая с мамой. Мая уже была пенсионеркой, как и мама. А сыну нелегко пришлось завоёвывать своё место под солнцем. Но вместе они всё преодолели на своей Земле Обетованной.

Жизнь продолжается, и женщина со светлым весенним именем Мая каждое утро выходит из квартиры, чтобы полюбоваться Кинеретом и его набережной, чтобы встретить друзей и порадовать их своей улыбкой.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

НАША СОВРЕМЕННОЦА С БИБЛЕЙСКИМ ИМЕНЕМ. ЕВА НЕЙТУР

Мне кажется, если немного покопаться в наших родословных, можно найти общие корни, настолько переплелись фамилии родителей, предков наших, род их занятий, интересов, место рождения, происхождение.

Ева Нейтур, в девичестве Фельдман, родом из города Малина, что на Житомирщине, в Украине. А мама её, Шапиро Зельда, родилась в моём родном Олевске, где, наверное, треть жителей носит фамилию Шапиро, в том числе и моя бабушка. Так что я пишу о близком мне по крови человеке.

Дед её был скрипач, клейзмер, что играл на всех местечковых свадьбах. Мама чудесно вышивала на пяльцах и на швейной машинке. Это называлось, насколько я помню, ришелье и довольно охотно раскупалось для домашнего употребления: занавески, накидки на подушки, наволочки. А отец работал на бумажной фабрике и с бригадой мастеров расписывал стены в зданиях, выполняя и малярные работы.

Ева хорошо помнит начало войны, когда в самый предрассветный час бомбили не только Киев, но и его окрестности. А Малин был неподалёку. Вокруг гремело, звенело, взрывалось и ухало, и отец схватил её с братиком Лазарем и вместе с

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

мамой бросился в поле к каким-то кустам, где укрывались до утра. А когда вернулись в свой дом, увидели в нём сторожа из соседнего детсада, который выгребал вещи из шкафа. Его ничуть не смутило их возвращение и возмущение его поведением.

– А вас, жидов, всё равно убьют! – спокойно заявил он. – Так зачем добру пропадать?..

Отцу Моисею Фельдману дали ответственное поручение: на нескольких подводах, запряжённых лошадьми (такой обоз получился), вывезти из города немощных стариков, детей, беременных женщин. Папа погрузил свою семью тоже и, минуя вокзал, чтоб не попасть под бомбёжку, выбрался из города. Забегая вперёд, скажу, что все евреи, что остались в Малине, были сожжены фашистами и их приспешниками в городской бане... Чтобы не быть в тягость, мама с братиком ехала на одной бричке, Ева – с чужими людьми на другой. Вокруг бомбили. Люди соскакивали с подвод и отсиживались в канавах. Евиным «благодетелям» надоело ехать в неизвестность, и они решили вернуться с девочкой в Малин, не предупредив её родителей. Отец спустя время заметил это и с трудом на лошади догнал их бричку и забрал дочь.

– Так я, благодаря папе, избежала общей участи малинских евреев, – говорит Ева.

Наконец, добрались до указанного отцу пункта, где он сдал спасённых им людей кому по-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ложено и отбыл в военкомат. У него оказалось больное сердце, и его определили в строительные войска. А между тем немцы подступали всё ближе. Собрали беженцев и сказали:

– Сейчас подойдёт состав. Он полностью загружен. Если вам удастся в него сесть – вы спасётесь...

А озорница Ева не выносит скучного ожидания и уходит с Лазеркой гулять. Пришёл эшелон. Открылись двери, а детей нет! Кто-то всё же помог их отыскать и привёл к матери. Загрузились в вагоны без еды, без питья, в обносках. Но едут! Главное – подальше от фашистов, их бомбёжек и обстрелов. Прибыли в Узбекистан, в город Маргелан, потом в Фергану. Когда их выгружали, подходили к ним местные и разбирали беженцев по своим хибаркам. Правда, в хибарках, у сандалов, им разрешали только греться, а постоянно они находились во внутреннем дворике. Однажды, когда они так грелись, рухнула глинобитная кровля этой хибарки. К счастью, все остались живы. Братика едва вытащили из завала за рубашонку.

– Вы спрашиваете, что мы ели? Так я расскажу вам о самом вкусном блюде: это блинчики из мёрзлой картошки, которую мы руками выкапывали в уже промёрзшей земле... Ещё была свёкла, из которой тоже мама что-то готовила. Она работала уборщицей в школе. А папе однажды разрешили поехать повидаться с семьёй. И он нас за-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

брал в Новосибирск, где мы уже не голодали, но очень мёрзли. Папу опять куда-то перевели. Мы остались. Мама работала, а за мной присматривали соседи.

Как только освободили Украину, семья решила вернуться домой. Папа в это время работал в строительной части в Макеевке и послал им вызов, по которому они отправились в обратный путь. Непоседа Ева выступала перед ранеными: пела, читала стихи, танцевала. Сама в обносках, на ногах калошки... За это ей перепало и хлеба, и кусочки сахара. В общем, на свой хлеб зарабатывала. Но здоровья её ногам в будущем это не прибавило...

В Макеевке папа снимал хорошую комнату, где хозяйка приучала изголодавшихся людей есть по чуть-чуть, чтоб организм привык к нормальной пище. Когда закончилась война, папа работал уже в Сталино (ныне Донецк). Здесь Ева пошла в школу. Ей было уже 9 лет. Потом они жили во Львове, где папа преподавал малярное дело, работал в Сочи и, наконец, демобилизовался. Семья вернулась в Малин, где родился у них ещё сынок Лёня.

По окончании школы Ева поехала поступать в Ленинград. Несмотря на хорошо сданные экзамены, в санитарно-гигиенический институт не поступила: не было общежития. Поступила в медучилище для подготовки фельдшеров. Проучилась два года и имела право выбора места работы.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Но решила, как в песне, поехать «за туманом и за запахом тайги» и выбрала Якутск, куда отправилась с подружками сначала в посёлок корабелов медсестрой, затем в Маган — завмедпунктом. Условия для жизни были нелёгкими: электричества не было, удобства во дворе. Приходилось лечить трахому, туберкулёз и принимать роды.

А через два месяца она была уже замужем за лётчиком Алексеем, потерявшем из-за неё голову с первого взгляда. Родила ему двух сыновей. Семья получилась тёплая, дружная. В 46 лет её муж вышел на пенсию и имел право выбрать любое место жительства в стране. Они выбрали Крым, Феодосию. Здесь она тоже работала по своей специальности: спасала детей, добиралась до дальних посёлков и на машине, и на мотоцикле, которые сама научилась водить. Она готовила к вылету экипажи самолётов, тренировала парашютистов.

А в один прекрасный день Ева нашла в себе силы бросить нажитое и репатриироваться в Израиль, воспитывать свою внучку, потерявшую мать. И здесь у неё всё складывалось хорошо. Она встретила родную душу, замечательного человека, умницу-москвича Мордехая Нейтура, вышла за него замуж по еврейским законам под хупой и прожила с ним 16 лет. Они изъез-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

дили много стран, им всегда было интересно друг с другом. И его, и её дети очень тепло относились к их союзу.

Ева с сыновьями

Это удивительная женщина – я не перестаю ею восторгаться, сколько её знаю. Ей интересны книги и стихи, она любит и ценит музыку, природу. С ней можно говорить на любую тему, и вам не станет скучно. Вот так сама себя воспитала и вырастила в настоящего человека девочка из маленького еврейского местечка (фин а идише штетл) моя дорогая приятельница и землячка Ева Нейтур.

Здоровья ей на долгие годы!

ПУТЬ ОТ МАЛЬЧОНКИ-БЕСПРИЗОРНИКА ДО СВЕТИЛА МЕДИЦИНЫ АЛЕКСАНДР РАВКИН

Его родословная начиналась в Белоруссии, где предки Александра Владимировича были довольно состоятельными людьми: им принадлежали бойни по забою скота, ледники по хранению мяса, доходные дома, колбасни и пр. Как правило, в еврейских семьях старший сын продолжал дело отца, средний шёл в религию, младший выбирал светскую профессию. Отец Александра был средним, поэтому учился в ешиве в Вильно.

Но вот пришли Советы, большевики, среди которых большинство – евреи. Они сразу арестовали деда и пытали его, чтоб отдал им золото. Не выдержав страданий, он выдал им тайник с золотом. Это всё повторилось. Дед отдал второй тайник под угрозой убийства сына, но приказал детям разбежаться и жить вдали от него. Так отец Александра оказался в Ленинграде, где работал грузчиком в порту, скрыв происхождение. Получил профсоюзный билет, это давало какие-то преимущества перед «лишенцами».

Взяли на завод литейщиком, параллельно закончил Институт труда (уровень послевоенного ФЗУ), получил профессию токаря. Он помогал родителям, которых Советская власть оставила голыми и босыми. В один из приездов отец встретил свою будущую жену – мать Александра, который

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

родился в Ленинграде. Но климат ребёнку не подошёл, пришлось переехать в Витебск, где родителей приютила монахиня, отдавшая им потом свою квартиру. Отец работал начальником механического цеха, потом заместителем директора Витебского авторемонтного завода.

Началась война. 4 июля папа должен был эвакуировать завод по ремонту полуторок, уже всех призвали на фронт, отца пока оставили. А ночью началась срочная эвакуация, потому что немцы уже были близко. За ними пришла машина, мама сунула в наволочку какие-то тряпки, и их успели посадить на открытую платформу – маму, Сашу 8-летнего и 4-летнюю сестричку. Отец на машине с коллегами подвергся жестокой бомбёжке, часть людей погибла, отец выжил, потом партизанил в лесах Белоруссии. Был тяжело ранен и вывезен на самолёте на Большую землю. Позднее он работал в Куйбышеве.

А мама с детьми на открытой платформе под страшными ночными бомбёжками мчались на восток. В одну из них загорелся соседний вагон-теплушка. Люди прыгали на ходу под откос. Сашу кто-то столкнул с платформы, он скатился вниз, потом умчался в лес. Кто-то всё время держал его за руку. Это оказался слепой. Он потом ушёл со взрослыми. А для Саши начался самый страшный период: один во всём мире, голодный, раздетый.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Он стал бродяжничать, забирался в собачьи ящики, чтобы продолжать путь на восток.

Саша Равкин в детприёмнике. Г.Чкалов. Дети войны.

Голодный, он что-то выкапывал на огородах, хватал на базаре. Его забирали милиционеры, определяли в детприёмники, а он сбегал, и всё продолжалось так несколько раз. Но если бы он не умел петь, вряд ли бы выжил. До войны его даже записали на Витебском радио. А сейчас он пел чаще всего для раненых в госпиталях, куда проникал с трудом.

Я уходил тогда в поход,
В суровые края.
Платком взмахнула у ворот
Моя любимая.

Он пел и «Катюшу», и «Синий платочек», и «Махорочку». За это его кормили. Так он оказался в городе Чкалове. Туда съехалось много эвакуированных. Оттуда они разъезжались по местам жительства. При вокзале был парк, где на скамейках собирались остатки семей, расспрашивали друг друга о потерянных родных. Вот и в Чкалове он ночевал под танцплощадкой в парке. Бежал по

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

парку в поисках госпиталя и раненых. На одной скамейке сидела женщина с девочкой. Он и не глянул, как вдруг услышал: «Аленька, сыночек!» Он закричал и заплакал одновременно. Это была его мама с сестрёнкой.

А отец в Куйбышеве встретил знакомого и пожаловался, что пропала его семья. А этот знакомый получил письмо от своей жены, которая видела семью Равкина в Чкалове. Так вся семья соединилась, и в 1944 году уехала на Украину, в город Конотоп. До войны Саша закончил класс «нулёвку», потом перескакивал из класса в класс в детприёмниках. Но читал с 5 лет. Знал много стихов и песен. По характеру был драчун, вспыльчивый и обидчивый.

Учился и работал на заводе. Попал в дурную компанию, которую возглавлял сын местного большого партийного чиновника. А у Саши за голенищем для форсу торчала финка. В одной из драк кто-то выхватил её и ранил двух курсантов. Финку нашли на месте драки. Но все показывали на сына партийного бонзы, а против Саши была его финка. Но партиец уговорил подростка взять вину на себя, а он его спасёт из тюрьмы через 3-4 месяца, чтобы позор от сына-бандита не помешал карьере этого чиновника.

Но 14-летний подросток был осуждён на 4 года. За примерное поведение и тяжёлый труд на слюдоразработках отсидел 2 года. В тюрьме

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

мальчишку тоже спасали песни. Его любил слушать пахан. Начальник посылал его помогать жене по дому, а она учила его школьным предметам. Его освободили, но судимость осталась. Он закончил школу уже в Витебске, имел грамоты за самодеятельность и спорт. Мечтал учиться в мединституте, как дядя врач-глазник, ставший академиком за придуманную им «Таблицу цветоощущения» для дальтоников.

Александр поступил в Витебский мединститут, но знал, что как только обнаружится его судимость, его исключат. И он встретился с тем самым партийцем, который обещал его спасти, но ничем пока не помог.

Студент мединститута

Он попросил его, теперь уже члена правительства Украины, снять с него судимость. И он на этот раз помог, и Саша был реабилитирован. По окончании института работал в Гродно терапевтом, потом заведующим и начал писать диссертацию по терапии. Создал семью, родились дочери.

Одно время учился в Высшей военно-морской академии в Ленинграде, но узнав, что их готовят для работы на атомных подлодках, он уволился и вернулся в Гродно.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Заболела дочь, а следом и с ним случился инсульт с правосторонним параличом. Казалось, жизнь кончена. Но нашлась женщина-врач, которая внушила ему, что он сможет стать врачом-дерматологом. И Александр Равкин стал заниматься спортом и постепенно восстанавливать здоровье. Затем переквалифицировался в дерматолога, венеролога.

Профессор Равкин

Стал врачом Первой категории, заместителем главного врача кожвендиспансера.

Даже в «лихие 90-тые годы», когда многие потеряли себя, Александру разрешили заняться частным бизнесом и открыть клинику по лечению болезней, передающихся половым путём. Очень всё хорошо шло. Много зарабатывал. Но заболела жена, сердце которой могли спасти только в Израиле. И они репатриировались. Жена перенесла четыре операции на сердце. Её спасли, и она прожила ещё 20 лет! Здесь нормально устроены дочери, внуки, да и сам Александр Владимирович Равкин - человек которому интересны и политика, и кино, и жизнь внуков. Как же ему не любить эту землю, где так интересно жить!

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ОДНА ИЗ ВЫЖИВШИХ В БЛОКАДУ. НЕЛЛИ ЧЕРНИС

Эта женщина, сохранившая и в свои 89 лет следы былой красоты, – коренная ленинградка. Её отец работал на Балтийском заводе, мама тоже была простой труженицей. Жили они на Петроградской стороне, в 3-х-комнатной коммунальной квартире, занимая вчетвером одну комнату: отец, мать, Нелличка и младший братик.

О большем в те годы и не мечтали. Детство проходило во дворе, на чердаках и в подвалах. Проголодался – прибежишь домой, намажешь чем-нибудь горбушку хлеба, присыплешь сверху сахарком – и так до вечера.

Нелличка с братом до войны.

Успела пойти в школу, проучилась то ли год, то ли два – уже не помнит. Началась война. Дети играли во дворе, когда Молотов объявил о войне с Германией. «А, подумаешь, война! Да мы этих немцев чик-чак и победим!» - кричали малыши. Ведь недавно отец вернулся с Финской войны, думалось, что и эта война будет короткой и на чужой территории... Отца не призвали, так как Балтийский завод выпускал оружие.

Блокада обрушилась сразу. Из-за бомбёжек и жутких морозов перестали работать водопровод

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

и канализация, исчезло электричество, из домов ушло тепло. Были разгромлены склады с продовольствием – начался голод.

О, этот город! Как его пытали!

С земли и с неба, стужей и огнём!

Он голодал. Бледнее лица стали.

Румянец мы не сразу им вернём.

В семье не было никаких запасов. Отец сутками работал на заводе, а получал 200 граммов хлеба. Мать из-за голода слегла. Неля вспоминает, как они (ей – 11 лет, брату – 9) на саночках возили воду из Невы к себе на Петроградскую сторону, на 3-й этаж! Это довольно далеко в мороз и гололёд мимо лежащих на дорогах трупов... Отец от истощения попал в больницу и умер. Хоронить было некому: жена лежала, дети малые... Им приходилось выстаивать в морозы очереди за этим «пайком»: «125 блокадных грамм с огнём и кровью пополам» (Ольга Бергольц). Причём, получив их, надо было спрятать эти три ломтика на груди, чтоб никто не отнял. И так до самого прорыва блокады в 1944 году.

Летом решено было их вывезти на катерах через Ладожское озеро. Еле живую маму они с братиком едва дотащили до трамвая. Вагоновожатая на это заметила: «Куда её эвакуировать! Ей давно пора на Смоленское кладбище...» Но разве могли дети бросить маму? Эвакуировались в Алтайский край, в село Залесово, куда до этого добралась их

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

бабушка с мамиными сёстрами. Мама здесь и умерла, а детей отдали в детский дом. Но у Нели остались об этом детдоме самые светлые воспоминания, несмотря на голод. И воспитатели, и дети были очень дружны. В доме была тёплая, добрая атмосфера. В селе их побаивались: голодные дети могли и морковку выдергать на огороде, и из продуктов, для них же привезённых, стащить пару луковок и картошек, чтоб ночью испечь... Но летом их спасал лес, а в нём ягоды и грибы...

Но вот девочке исполнилось 16 лет, получен паспорт, за плечами неполных 6 классов. В кармане билет в родной Ленинград. Сама определила себя в ФЗО (школа фабрично-заводского обучения) по специальности ткачиха. Направили в Нарву (Эстония), а климат не подошёл, всё время болела. Переехала к бабушке на Донбасс, в Харцизск. А там прошла её слабость, хотя работала очень тяжело в шахте. Получала большую зарплату. Отдавала тёте, потом за квартиру.

Нелли на доске почёта в шахте.

Знакомый практикант предложил ей переехать в Киев, для этого прислал вызов на учёбу, тогда отпустили с работы на шахте.

И вот она в Киеве! Ради места в общежитии девушка работала углевозом, потом в литейном

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

цеху, пока не получила комнату. Вышла замуж за прекрасного человека – Моисея Исаковича Черниса. Для Нелли – любимый муж Митя, с которым прожили около 40 лет вместе. Вместе работали на рефрижераторных поездах. Он – механиком, она – проводницей. У мужа от первого брака два сына, они предложили в трудное время репатриироваться в Израиль. И все сюда переехали в 1990 году.

По сравнению с работой в России её израильские «никаёны» и «метापельство» были детской забавой. Она ежедневно благодарна Богу за то, что она здесь, на Земле обетованной. Пятнадцать лет назад ушёл из жизни её Митенька.

Нелли в наши дни

А она держится молодцом в свои почти 89 лет. Недавно гостила у друзей за границей в Европе. Ежедневно посещает бассейн в Хамей-Твери. Очень добрый, светлый человек с открытым для людей сердцем. О таких, как она, блокадниках, сказал поэт: «... на них особый след,

Какая-то необщая повадка,
Небудничное выражение глаз.
И собеседник, может быть, не раз
Внезапно спросит, озарён догадкой:
«Вы, вероятно, были там тогда?»
И человек ему ответит: «Да...»

ДОКТОР ЗЛАТА – ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ ЗЛАТА ЧЕЧИК

До войны Злата жила в Белоруссии, в городке с поэтичным именем Речица. В семье росли трое детей. Отец Наум Пугач работал заведующим базой райпотребсоюза. Мама занималась воспитанием детей. Напротив, через дорогу, жили бабушка и дедушка, и жизнь казалась такой же ясной и солнечной, как в то утро 22 июня 1941года...

Но даже детям показалось, что в тот день солнце померкло. Зная от беженцев из Польши, чем грозит евреям оккупация, отец медленно отправил семью в эвакуацию. Он погрузил на баржу жену и троих детей, а с ними и стариков-родителей. Самому же эвакуироваться не разрешили, чтобы не оставить базу на разграбление. Позднее отсюда его призвут в Красную Армию. Баржа плыла по реке в сторону Гомеля. Плыла недолго. Налетели фашистские самолёты, снизились и в два счёта потопили баржу. Многие погибли, утонули. Пугачи спаслись, выплыли и пешком бросились в лес прятаться от немецких самолётов.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

А в лесу в это же время переживал немецкий налёт состав с отступающими советскими бойцами. Солдаты, мучаясь от того, что бросают мирное население на съеденье врагу, бегали по лесу и предлагали спасшимся с баржи людям свою помощь. Они помогали детям забраться в вагоны, подсаживали стариков и женщин, чтобы ехать с ними дальше. Так и получилось. Семья Златы погрузилась в товарняки, где была наша техника, и поезд двинулся на восток. Но проехал не более 20 минут, и снова бомбёжка. На сей раз было много погибших, раненых и обожжённых. Обожжена была и десятилетняя Златушка. Но некогда было плакать и жаловаться: надо было спасаться. Рядом было болото. Белорусские леса вообще изобиловали болотами. И это было опасно. Но на сей раз и природа спасала своих. Мама заставила младших детей залезть по пояс в болото, а верхнюю часть их тел она закрыла собой... Как только немного стихала бомбёжка, люди начинали выкрикивать имена своих детей, дети – звать родителей, проверяя, кто жив, а кого нет... И так продолжалось очень долго, целую вечность...

Когда фашисты, казалось, улетели, людей подняли, и все под началом знающих местность людей пешком направились к Курску, от деревни к деревне. Но и тут не было пощады от фашистских «мессеров». Они буквально охотились на людей и на брющем полёте из пулемётов рас-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

стреливали детей и женщин. Но как-то всё же люди продвигались. В каждой деревне беженцам давали лошадей и подводы, куда грузили вещи, стариков и малых детей. Остальные шли пешком, под обстрелами, пока добрались до Курска.

В Курске был эвакуопункт, который помог их семье эвакуироваться в Саратовскую область, в бывшую немецкую колонию Бальцер, откуда в начале войны правительство выселило поволжских немцев на север. В их пустые дома и поселились эвакуированные семьи. Здесь семья Златушки прожила год, пока фашисты не приблизились к Саратову. И опять вагоны для скота, в которых их везут дальше, за Урал, в Чкаловскую, ныне Оренбургскую область, в село Беляевка.

Здесь они столкнулись с настоящим голодом и холодом. Златушку поразили земляные полы в избах, иней на стенах и по углам жилья. Чтобы выжить, все работали, даже дети: 11-летний брат пас табун лошадей, 15-летняя сестра работала на тракторе, даже 10-летняя Злата таскала тяжёлые корзины с мёрзлой картошкой. И всё равно еды не хватало, одеться-обуться в морозы было не во что.

А тут ещё пришла «похоронка» на отца – известие о его гибели. Слабую женщину эта весть бы убила, но не Ревекку, на руках которой оказались беспомощные старики-родители и трое детей, которых надо было кормить, растить и учить. И она работала изо всех сил, не забывая о том,

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

чтобы дети продолжали учёбу даже в той крошечной сельской школе, где в одной комнате сидели дети и подростки разных уровней знаний. Отдавая детям последние крохи еды и закутывая их в свои обноски, друг за другом умерли дедушка и бабушка. Теперь некому было встретить детей с работы даже кружкой горячего кипятка. Но мать не позволяла детям расслабляться, и они работали и учились.

Когда в этот далёкий колхоз пришла весть об освобождении Белоруссии, мать и дети решили вернуться домой. Это был тоже нелёгкий путь с долгими ожиданиями поезда на разбитых станциях, со страхом, что украдут последний кусок хлеба, что дети могут не успеть сесть в вагон поезда, который, едва притормозив, мчится дальше... Но и это уже позади, а в Речице – вместо дома развалины, но дом деда кое-как сохранился, правда, без стёкол и необходимых для жизни вещей...

Мать и старшая сестра работали. Сестра – в суде, позднее она закончит юридический институт. Брат получит высшее техническое образование, а Златушка поступит в медицинский институт.

Уму непостижимо, как эта хрупкая женщина – их мать Ревекка – могла одновременно учить троих детей вдали от дома! Конечно, дети получали стипендию, а Златушка – повышенную, но всё это было на грани выживания. Даже родной брат

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

осуждал Ревекку: «Зачем ты так мучаешься, голодаешь? Пусть работают!» Но мать одна выучила всех троих детей! Вот истинная героиня, настоящий пример мужества и самоотверженности для Златы.

Поэтому она закончила институт с Красным дипломом, получила возможность специализироваться как хирург в больницах Орла и области, трудиться с удовольствием, спасая людей. Они с мужем (врачом-стоматологом) создали дружную, любящую семью, в которой дочери пошли по стопам родителей: старшая врач-невропатолог, заведует в Минске Центром по управлению делами Президента. Младшая – в Израиле, в Нетании, работает в компании «ТЭВА». Продолжила семейную традицию и внучка, став нейрохирургом. А внук свободно владеет пятью языками!

Вот так девочка, обожжённая в прямом и переносном смысле огнём Холокоста, сумела пройти через все горести и страдания, одолеть в поединке саму судьбу, готовившую ей одни печали, и не только выжить самой, но спасти сотни людей и стать образцом для своих детей и учеников, которым она в своё время преподавала в медучилище.

Спасибо Вам, Злата Наумовна!

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

И ВСЁ-ТАКИ МЫ ВЫЖИЛИ!

ЛЕВ ЮДЕЛОВИЧ

Сейчас, когда ему уже 90 лет, мы реже встречаем его одного в городе, лёгкой, почти танцующей походкой пересекающего небольшую площадь в центре Тверии. Совсем недавно без него, без его танцев невозможно было представить любимый праздник 9 Мая – День Победы. А ведь он не воевал – ни по возрасту, ни по социальному статусу не подходил. Впрочем, он сам вам об этом расскажет:

«Моя бар-мицва, то есть моё совершеннолетие по-еврейски (13 лет), пришлось на ноябрь 1939 года. К этому времени Латвия стала уже Латвийской ССР, и дома, в Риге, наступили перемены. Наш магазин готового верхнего платья Советская власть национализировала, и отцу пришлось работ-

тать грузчиком на железнодорожной станции: на другую работу его просто не брали. Мама работала швейей, брат – кассиром на станции. Я учился, но в пионеры меня не приняли как сына «эксплуататоров».

Лёва – член детской организации «Бейтар». Рига. До Советской власти.

Кроме того, у нас отобрали две комнаты, в которых поселились семьи политруков, которым

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

мама во всём помогала, всему учила и наставляла. Но за неделю до войны Германии с СССР всю нашу семью ночью подняли и, не дав как следует собраться, отправили на восток как врагов народа. Старшему брату не дали возможности подождать его беременную невесту, всех нас погрузили в вагон с нарами и повезли, как скот, вместе с другими такими же, ни в чём не повинными людьми, даже малых детей не пожалели.

А меня всё мучил один и тот же вопрос: за что? За что так поступает с нами новая власть? Мои родители – законопослушные граждане. Они не сопротивлялись, когда у них забрали магазин, все работали, платили налоги, не возражали против подселения постояльцев, даже подружились с ними. В чём же наша вина? Ответа не было.

Мало того, перед отправкой эшелона всех взрослых мужчин – отцов семейств – вывели по одному, и больше их семьи с ними не встретились. Мы с мамой загородили брата Изю и на время спасли его. Мне было четырнадцать с половиной лет, но я чувствовал себя ответственным не только за себя, но и за маму, и за старшего брата, которого эта ситуация и разлука с невестой просто сломала.

На одной из остановок, запасаясь водой, мы с братом узнали о нападении Германии на СССР и о быстром продвижении фашистов по всей Прибалтике. Я словно оказался в другом мире: раньше была Рига, еврейская школа, друзья, «Бейтар», се-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

мья. Сейчас – вагон, охрана, долгий путь в вонючем вагоне, в голоде и холоде. А за вагоном – неизвестность, чужие люди, чужая речь...

И всё же я был сильным, неприхотливым, приученным в «Бейтаре» переносить трудности стоически и спокойнее многих взрослых людей в нашем вагоне. Но и я не представлял, куда и на какое время нас загонят наши «воспитатели». Даже научившись выживать в борьбе с жуткой мошкаррой в тайге и добывать бутовый камень под лесной почвой, научившись заготавливать дрова в тайге и работать на комбайне и тракторе, я не ожидал, какое испытание нам предстоит.

Нашу семью как трудоспособную решили отправить на Крайний Север на рыбные промыслы, не обеспечив при этом ни тёплой одеждой, ни обувью. В ответ на наши просьбы и жалобы был один ответ: «На фронте гибнут тысячи бойцов Красной Армии и мирные жители. Не до вас теперь! Выживайте, как можете! А не выживете – так тому и быть! Умрётё – не велика потеря! Вы враги Советской власти!»

И опять – грузовик, поезд, баржи, в которых плыли по Енисею, опять пешие походы с тяжёлыми вещами и, наконец, вдоль по берегу, как репинские бурлаки, женщины и подростки тянут гружёную лодку против течения. При этом их немилосердно кусают комары и мошкара... Потом работа по 12 часов при незаходящем солн-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

це по отлову, разделке и засолке рыбы, которую они ловили центнерами, а есть разрешалось по 200 граммов в день. Даже выпотрошённую часть, т.е. потроха, внутренности, нам не разрешали варить, устраивали облавы и выливали уху, если находили «виновников».

– За что вы так с нами? – спрашивал я. – Если мы будем сытыми, мы ещё лучше будем работать! А голодные мы не в силах вынести такой труд и можем умереть!

– Так вас же много! – отвечали эти рьяные комсомолки. – Вы эксплуатировали латышских рабочих и теперь несёте за это наказание...

Становилось всё холоднее. По Енисею уже шли льдины, а наши женщины, стоя по колено в воде, вытаскивали рыбу из невода. Мы ждали нашей смены, так как летним способом ловить уже было нельзя. Вскоре мы засобирались к отъезду. Но приехали партийные работники из Игарки и объявили решение горкома: никого обратно не вывозить, а оставить нас для подлёдного лова рыбы на всю зиму... При этом не привезли никакой тёплой одежды.

И это в зоне вечной мерзлоты, где земля оттаивала даже летом только на полметра... У местных жителей и аборигенов-эвенков была тёплая одежда, валенки или унты, меховые штаны, шубы из овчины, а у нас – телогрейки, матерчатые шапки и

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

обувь – на деревянной подошве брезентовое голенище...

И всё-таки мы выжили в эту страшную зиму, а весной начался жуткий голод, продолжавшийся восемнадцать дней, потом, совершенно обессиленных, нас с мамой вывезли, а брата ещё на время оставили. Но по дороге к нам брат замёрз и умер...

И это был только январь 1943 года. Ещё много тяжёлых страданий пришлось нам с мамой пережить. И всё-таки мы выжили назло нашим врагам. И мы не ожесточились. Не возненавидели людей – наоборот, к нам тянулись люди, и мы старались им тоже помочь выжить в тех невероятных, нечеловеческих условиях. Мы были и остались людьми!»

Вечно неувядающий Лев Юделович.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

БЕЖЕНКА ИЗ ЭСТОНИИ ЛЕА ЯНКЕЛОВИЧ

В маленькой Тверии трудно её не заметить: невысокого роста, худенькую, хрупкую, в аккуратных белых брючках и с пышной гривой ярко-рыжих волос, рассыпанных по плечам. И имя у неё необычное, библейское – Леа. Не Лея, а именно Леа. Даже не верится, что она столько пережила в войну. Её короткий рассказ потряс меня:

«В то злосчастное воскресное утро 22 июня – его и утром-то трудно было назвать – ночь, и в полной кромешной тьме мы проснулись от монотонного воя самолётов, пролетающих, видимо, очень низко. А потом начался жуткий грохот: на наш городок летели бомбы. И папа закричал: «Вставайте, дети, это война!»»

Испокон веков мы жили в Эстонии. Ещё до прихода туда Советов. Сначала в Тарту, откуда родом мама и я, потом на границе с Латвией, в маленьком городке Валга. Там нас и застала война. Спасая семью от нацистов, папа в первые же дни решил на эвакуацию.

Счастливое довоенное детство

Мы в Прибалтике знали, как фашисты решали «еврейский вопрос» в Польше, да и в Герма-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

нии. Благодаря папиной настойчивости, нам удалось вовремя покинуть родной городок. Но наш поезд разбомбили вблизи Изборска, потом другой – в Пскове. К этому времени поезда шли переполненные техникой, оборудованием (эвакуировали заводы), а начальство меньше всего думало о людях, об их еде и питье...

Мы в отчаянии бегали по перрону, а двери вагонов были закрыты. И только на открытой платформе, где люди стояли в такой тесноте, точно приклеенные друг к другу, чьи-то добрые руки потянулись к нам и втащили сначала детей, а затем и родителей. Сестра всё время повторяла: «Мне некуда поставить ногу... Мама, куда мне поставить ногу?» А я ни на минуту не выпускала папину ладонь из своих рук. И так мы ехали не день, не два, а недели – почти без еды и питья, продуваемые холодными ветрами ночью и под жарким солнцем днём... На редчайших остановках пили чёрную дождевую воду прямо из луж. Люди так и умирали, стоя, и их оставляли на разных полустанках, просто сбрасывая с платформы...

Так мы добрались до сибирских колхозов, в одном из которых и остановились. Начались холода. Мы жили у местных колхозников, которым тоже было трудно, но они с нами и крошкой хлеба не поделились. В доме, куда нас определили, ледяной холод. Топить нечем. Только солома. Она

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

вспыхнет на мгновение – и только пепел остаётся. Есть нечего. Местным колхозникам выдавался какой-то паёк на их заработанные трудодни: немного хлеба и картошка, какое-то топливо. А нам, эвакуированным, ничего не полагалось. Мы спасались тем, что мама свои платья обменивала на объедки, картошку, куски хлеба.

Когда люди стали умирать от голода и холода, правление колхоза выделило для нас из семенного фонда немного картошки из расчёта по половинке картофелины два раза в день. И всё...

Я тяжело заболела. Высокая температура. Даже воду вскипятить не на чём. Папа не выдержал и пошёл к председателю: «Спасите дочь! Умоляю! Дайте пару поленьев чтоб затопить печь и согреть ребёнка!» Тот отказал...

И тогда мой папа, глядя прямо в глаза этому представителю Советской власти, партийцу, коммунисту, сказал: «Знаете, мне жаль, что мы не остались там, в Эстонии. Нас бы фашисты убили сразу по приходу в город. А вы делаете то же самое, только медленнее».

Через три дня за папой пришли милиционеры, и больше я его никогда не видела...»

Лера

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Анатолий Зусман

АНАТОЛИЙ ЗУСМАН

С того момента, как налетели немецкие самолеты, и до осени 1945 года, когда открылась дверь нашей коммунальной квартиры, а в коридор вошел незнакомый мужчина в солдатской шинели, с небольшой котомкой за спиной и спросил у меня: «Мальчик, здесь живет Дуся Гаркави?» война продолжалась. Ничего не понимая, я молча смотрел на него, не зная, что ответить. Из оцепенения меня вывел голос бабушки, которая вышла в коридор посмотреть, кто это мог к нам прийти. «Толечка! Да это же твой папа!» В этот момент для меня война закончилась.

Вряд ли моя жизнь в годы войны отличалась от жизни миллионов детей, бежавших от фашизма. Мой «боевой» путь начался в Таганроге и продолжился так: Ростов-на-Дону, Махачкала, Красноводск, Ташкент. А после освобождения Ростова, мы сразу же в сорок третьем году туда вернулись. В разбомблённый, нищий Ростов.

Мама, моя сестра, тётя Мери и я. 1939 год.

И последнее. Мама. Она всегда была рядом. И в доме нашем, где бы мы ни жили, а это помимо тех, кто на фотографии, моя бабушка, - был хлеб.

Чёрный, как у всех. Нарезанный тонкими ломтиками и прикрытый салфеткой. От мух. Хочешь – подходи и бери. Запрета: «Не брать!» не было. Хлеб – была жизнь. Как он вкусно пах! И хлеб всегда лежал на тумбочке. Потому, что мы любили друг друга.

РАИСА БРУХИС

Брухис Раиса Исааковна (Хая), родилась в Даугавпилсе (Латвия) в 1928 году. Его когда-то ещё называли еврейским городом. Да, было и такое. Но было это до войны. А в 1939 году, когда немецкие танки оказались за Двиной, и от города их отделял только мост, бабушка сказала маме: «Что смотришь! Бери детей и уходи!»

Семья сумела добраться до железнодорожной станции Ребекне. Там проходила граница между Литвой и Советским союзом. Как они туда добрались, следует рассказывать в отдельном повествовании.

Уже неподалеку от железнодорожной станции Ребекне, когда казалось, ещё немного, и они доберутся до пункта назначения, на их поезд налетели немецкие самолёты. Машинист стал гнать состав как можно быстрее, стараясь уйти от падающих бомб. Тогда ещё не было предписания свыше: немедленно поезд останавливать, всем пассажирам его покидать и бежать куда подальше, лишь бы бежать. Чтобы не погибнуть вместе с поездом.

Хая ехала с мамой и братьями в первом вагоне. И вдруг их состав потряс страшный удар! Поезд содрогнулся с такой силой, что те, кто сидели или лежали на вторых полках, попадали вниз. Бомба попала в последние вагоны идущего

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

на всех парах поезда. Четыре задних вагона разнесло вдребезги. Никто в них не выжил. Огонь невероятной силы грозил перекинуться на передние вагоны. Машинист, рискуя жизнью, отцепил горящие вагоны, и состав двинулся дальше.

И вот, наконец, граница. Впереди другая страна – Советский Союз. Офицер, пограничник, приказал новоприбывших на территорию СССР не пускать и всем убираться обратно. И чем быстрее, тем лучше. Хаина мама взмолилась: «Мы же евреи, мы коммунисты, нам нельзя назад. Немцы нас расстреляют».

После некоторых раздумий пограничник смилостивился: «Хорошо. Можете идти. Вы уже не первые. Но только пешком!» И они пошли. Сколько они так шли, Хая не помнит, но говорит, что долго. Наконец, где-то им всё-таки повезло. Подали вагоны и повезли в Кировскую область.

Привезли в деревню, где жили одни ссыльные. Это были раскулаченные крестьяне. Сейчас я бы сказал, за это ведь теперь не посадят, что это был цвет земли русской. И здесь им вторично, или в третий раз, если считать историю с поездом, повезло.

Ссылные оказались настоящими людьми. Они разместили у себя прибывших евреев, дали еду и кое-какую одежду, обогрели. Одним словом, приютили, хотя самим было ой как не сладко.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Рая рассказала, как по дороге в Кировскую область потерялся её брат, и мама чуть не сошла с ума с горя, шутка ли потерять ребёнка. Слава богу, вскоре он нашёлся. По дороге... и сколько было этих дорог!

В конце концов, семья оказалась в Куйбышеве. Маму с братьями поместили в синагоге. А Хаю отдали в ФЗУ, в училище-интернат. В этом училище находились дети из Прибалтики, потерявшие родителей. Там ей дали фирменную рабочую одежду, что очень важно, и рабочую продовольственную, хлебную карточку. Все ученики больше работали, нежели учились. Но надо было отрабатывать хлеб, который они получали.

А когда советские войска пошли в наступление, за ними двинулись те, кто стремился поскорее попасть в родные места. Но

попасть в Двинск (новое название Даугавпилса) оказалось не просто. Это была закрытая зона. Нашлись добрые люди, научили маму написать письмо дедушке Калинину.

Раечка в 1945 году

Как ни странно, вскоре пришёл ответ. От всенародного старосты. Местной власти предписывалось оплатить всем членам семьи проездные

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

билеты, одеть, как полагается, на государственном складе, и отправить ближайшим поездом в Двинск. Хаичке запомнился на всю жизнь именно

этот склад. Он был огромен и полон всего, что хочешь. В нём была помимо всего прочего, даже одежда из Америки. Она увидела такое изобилие, что растерялась. Что выбрать? И таки выбрала себе одежду. Какую вы бы думали? Советскую новую шинель, гимнастёрку, синюю юбку, пилотку и всю прочую амуницию, полагающуюся военнообязанной Советской армии.

Свадьба! Какая красивая пара!

В этом рассказе совершенно нет тех мытарств, которые пришлось пережить самой Хае и её семье. Но, поверьте, их было столько, что невозможно описать в одном рассказе.

Раиса Брухис в Израиле

МОИСЕЙ САМГОРОДЕЦКИЙ

Когда началась война, Моисею Самгородецкому было всего тринадцать лет. Его отец Меир, офицер, коммунист, по призыву партии перед войной был направлен на работу в сельскую местность. Сейчас Моисей уже не помнит, что делал там Меир, но село находилось в нескольких десятках километров от города Казатин Винницкой области. А до того семья жила в городе Казатин. Там у них была своя квартира.

С первых дней войны Меира отозвали в армию, но он продолжал следить и руководить действиями семьи. С его помощью они сначала вернулись в свой дом в Казатине, казалось немцы туда не дойдут.

А когда война приблизилась к городу, отправил их на Северный Кавказ. Отправить-то отправил, но как они добрались в нужный город, Моисей и сейчас вспоминает с содроганием.

Ехали, их бомбили, поезд останавливался, они его покидали. Снова ехали, снова бомбили, а они снова ехали, а немцы снова бомбили...

Запомнить, в каком селе на Северном Кавказе они нашли пристанище, голодные, обессиленные, в рваной одежде, поверьте, очень трудно. Да и было тогда не до этого. Когда долгое время находишься в такой ситуации, то все чувства приглушаются. Хорошо, что председатель колхоза

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

оказался добрым. Поставил на постой, выделил продукты. Как-никак – семья советского офицера.

Здесь я хочу сделать небольшое, но важное, отступление. Почти все семьи, бежавшие от фашистов, находили понимание и помощь в местах, где они оказывались. Тогда время такое было и люди такие. Всем было плохо, все понимали и свою беду, и чужую. И помогали.

А когда начали бомбить село, всё тот же председатель, уже по собственной инициативе, дал подводу, и семья отправилась дальше.

И всё время, что они переезжали, из города в город, это проходило под непрерывными бомбёжками. А вряд ли надо напоминать, что такое эшелон, на который сыплются бомбы, и ты не знаешь, попадёт или не попадёт.

Дальше была Махачкала. Представьте небольшой городок, в нём жителей всего-то не более ста пятидесяти тысяч. А прибыло беженцев более двух миллионов. Что уж тут говорить о крыше над головой, если даже на тротуарах не оказывалось свободных мест. Да и с едой невероятные проблемы. А, если говорить откровенно, то проблемы с едой не было, так как не было еды. И болезни. Они косили людей, особенно детей, словно, это была эпидемия. А, если говорить откровенно, то имела место самая настоящая эпидемия. И семья,

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

как могла, двинулась дальше. И доехала до Кургана, что на Урале.

Урал, Сибирь, Казахстан, республики Средней Азии. Сколько миллионов беженцев осели в тех местах. И там они нашли приют и работу. И выжили. А когда советские войска двинулись на Запад, за ними все эвакуированные люди подались в родные края. Вернулась в родной Казатин и семья Моисея Самогородецкого. Что было потом? Это уже другая история.

ЛИДИЯ И ЛЕОНИД МАТЮХИНЫ

Живёт в Тверии семья Матюхиных. Живёт тихо, ни на что не жалуясь. А хлебнуть и Леониду, и Лидии пришлось, как иногда говорят, выше крыши. Оба родом из Днепропетровска, только до поры они не знали друг друга. Две семьи жили счастливо, как и большинство советских семей. Они не знали, кому молиться, но их не затронули ни тридцать седьмой, ни последующие не менее грозные годы. Повезло им, значит. А по тому времени даже больше, чем повезло. Да так бы, наверное, и жили, не начнись война.

А когда на их головы посыпались немецкие бомбы, когда поняли, что надо всё бросить и бежать, бросили всё, что было нажито в предвоенные годы и подались, куда глаза глядят. Это хорошо говорить в кабинетной тиши, да ещё под тихое жужжание, никуда не спешащего, мазгана, – «куда глаза глядят».

Мне в теплушке ездить не приходилось, но, если в вагоне стоит печка, буржуйкой звать, то ехать вполне можно, хотя и не очень удобно. Да кто говорил об удобствах, когда сверху стреляли и летели бомбы. А ехать Леониду и Лидии пришлось, хоть и в разные стороны, но в открытых вагонах. Были и такие. Но самое главное – ехали. И доехали.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

И оказался четырнадцатилетний еврейский паренёк Лёнька в Первоуральске. Далёко занесло. Но там было непривычно тихо, и никто не стрелял. Дело, как раз шло к зиме. Одежды тёплой – никакой. Кто же думал о тёплой одежде, когда бросали всё, что нажили за многие годы.

С деньгами, как и с едой, было плохо. И пошёл парень на завод. Тогда все ребята так поступали. Ведь каждый помимо всего прочего понимал, что именно так он должен защищать Родину от фашистского зверя. Раз не в армию, значит, на завод.

Приставили Лёньку к станку. А чтобы доставал до регулировки и мог работать, дали деревянный ящик. Стал на него Лёнька... и начал свою рабочую деятельность. В четырнадцать лет. А на ящике написал свою фамилию, на всякий случай.

Трудился, как все, с раннего утра и до позднего вечера. Иногда так уставал, что засыпал около станка. И опять же, как все. Такие же мальчишки и девчонки, да женщины, чьи мужья воевали на фронте. Ни на что не жаловался. Рабочая продовольственная карточка позволила семье держаться, хотя и с ней было голодно. На фронте труднее – это он знал хорошо. Ведь видел, как чернели лица женщин, когда им приносили похоронки.

А когда освободили Днепропетровск, семья двинулась в обратный путь. Как хорошо, когда ты оказываешься в родном городе. Перед Лёнькой,

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

нет, теперь уже перед Леонидом, повзрослевшим, рабочим человеком, лежал город. И был этот город весь в развалинах.

Пустые коробки некогда прекрасных домов действовали угнетающе. И кто-то должен был всё это восстанавливать. Тогда и выбрал Леонид профессию. На всю жизнь. Решил строить дома, чтобы стал город краше прежнего.

Вот так стал Лёнька студентом Днепропетровского инженерно-строительного института. И всю жизнь потом строил и строил дома. Да так строил, что стал главным инженером строительного управления города Днепропетровска.

Леонид Матюшин

Однако вернёмся к началу. Август сорок первого. Бомбят город днём и ночью. И, чтобы выжить, надо всё бросить и бежать. Что делать? Приходится повторяться. Бросали и бежали, как все. Последний эшелон. Последний, который смог выбраться из Днепропетровска. Как удалось в него

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

попасть Лидушкиной семье, вероятно, бог помог. Не иначе. Поехали.

Стучат на стыках колёса, поют свою заунывную песню, в приоткрытое окно врывается чёрный дым и с ним непривычный, горячий запах из топки паровоза обжигает тело. А закрыть окно совсем нельзя, от жары можно задохнуться.

Вот уже на пути мост через Днепр. И опять самолеты с крестами. Гул, грохот, смрад от чёрного дыма, всё перемешалось. Только-только проскочили мост, как раздался оглушительный взрыв. Бомба попала в мост и его не стало. А ещё минуту назад, нет, меньше, чем минуту, они по нему ехали. А вы говорите, бога нет. Сколько было ещё таких случаев, когда только Он и спасал. Не считать.

Уходит время, многое забывается, но в памяти остаётся ясное понимание, что без божьей помощи не обошлось.

А дальше опять же, как у всех. Деревня в Саратовской области. Днём тяжёлая работа, вечерами учёба в доме, в котором квартирует учительница. И каждый вечер идёт по селу Лидушка, а в руках не портфель, откуда ему взяться, а несколько дровишек. За них учительница учит ребятишек. Да и теми же дровами, она согревала их голодных и замёрзших.

А то, что было нелегко, в те годы об этом никто не думал. Всем было нелегко. Вот только

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

рвалась мамина душа назад в родной Днепропетровск. И когда началось наступление наших войск, двинулась она с детьми следом за войсками туда, домой. Так они оказались вначале в Миллерово, где пережидали очередной налёт немецкой авиации. Но это всё-таки было ближе к дому. И одними из первых вернулись в родной город.

К тому времени за плечами девушки было

только восемь классов. Но, тем не менее, ей удалось устроиться на подготовительные курсы в металлургический институт. А через год она стала его студенткой. И уже в 1949 году, окончив его, вышла на свою, большую, хотя и трудную дорогу.

Лидия Матюхина

ФРИДЕЛЬ И АЛЕКСАНДРА САМГОРОДСКИЕ

Я сижу в небольшой, светлой, уютной квартире. Здесь живёт чета Самгородских. Фридель и Шурочка. В следующем году они будут отмечать два события. Фриделю исполнится 95 лет, а их совместной жизни – семьдесят. Чтобы завершить описание, любуясь этой парой, могу лишь сказать: «Вы бы поглядели на них! Мазаль тов!» А родом и он, и она из Житомира. И хорошо помнят тот день, двадцать второе июня сорок первого года.

Шурочка собралась с друзьями на пляж. Четырнадцать лет, можно сказать, девушка. И хочется петь, танцевать, радоваться жизни. Благоухают цветы, поют птички. Но, вдруг, мама говорит: «Война, доченька». И всё. Детство в один миг кончилось.

Фридель готовился на следующий день получить паспорт. Шестнадцать лет! Чтобы стать полноправным гражданином своей страны. Не получилось. Вбежал в комнату старший брат: «Война! Иди, братишка, скорее в военкомат, надо сражаться!» И Фридель пошёл в военкомат.

День. Всего один день. Но как он изменил судьбы этих молодых людей.

Однако вернёмся к Шурочке. Семья уже в первых числах июля эвакуируется в Донецк. Тогда он носил имя великого кормчего - Сталино. Вско-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ре война подступила и к этому городу. И Шурочка оказалась с мамой и папой в Западном Казахстане, в городе Уральске. Повезло им с самого начала.

Туда же переехал Витебский драматический театр. Отец и мать с первых дней начали там служить. Переехал ведь основной состав, а подсобных рабочих набирали уже на месте. Со временем даже квартиру дали. Потом театр переехал в Орехово-Зуево. И семья поехала туда же вместе с ним. А Шурочка тоже стала работать в театре. В бутафорско – реквизиторском цеху. Работала бутафором. Но, как только освободили Житомир, бросили театр и отправились домой.

Их квартира оказалась занята, пришлось искать ту, где никто не жил. Так они оказались в домишке, в котором не было ни окон, ни дверей. Но была крыша над головой. А что ещё в то время было надо. Быть бы живыми, да чтобы крыша над головой.

День Победы девятое мая тысяча девятьсот сорок пятого года встретили в Житомире.

Стояла чудесная майская ночь, где-то пели соловьи, в воздухе стоял аромат от весенних цветов. Началась стрельба. Стреляли отовсюду. Первая мысль: «Неужели всё сначала?». Соседка из соседнего дома прибежала: «Победа! Победа, доро-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

гие мои!» И этот день осел в памяти Шурочки на всю жизнь. Как самое памятное и волнительное событие.

Не осталось фотографий тех лет. И только портрет, заказанный её мужем Фриделем, даёт представление о прекрасной девушке, прожившей совсем не простую жизнь.

Вернёмся к Фриделю и его приключениям. Мы видим подростка в военкомате. Таких там набралось в первые минуты очень много. В армию нельзя, а отпускать – жалко. Выдали ребятам аттестаты на продовольствие, собрали в отряд и сообщили маршрут: через Киев, Донецк в Гуляй Поле. Пешком!

И восемьдесят человек, в чём пришли в военкомат, в том и пошли. Я забыл сказать, днём идти было нельзя, немецкие самолёты обстреливали все дороги. Поэтому шли только ночами. А днём отсыпались. Там где их заставлял день.

В каком-то колхозе отряд получил в качестве продовольствия здорового хряка. Живого. На всех. Сколько прошло с тех пор лет, а Фридель, как вспомнит, так смеётся. Что было делать с боровом, никто не знал. Решили его убить. И половина отряда держала хряка, кто за что, а один, самый решительный резал его. Простым, тупым ножом. На всю округу раздавался рёв бедной скотины.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

К Донецку подошло не более двадцати человек. Остальные разбежались. И вот Гуляй Поле. Прибывшим вручили лопаты и приказали рыть противотанковые рвы. Приказали и исчезли.

Там-то Фридель и начал постигать все премудрости жизни. Копали и рыли. Днём и ночью. Пока не подошли немцы. Поняли ребята, что надо бежать. Только куда? Но побежали. Главное, чтобы подальше от немцев.

Отец, мать и сын Фридель.

До войны.

До той, проклятой войны

И никто не знал, где их родители. Ребята были брошены на произвол судьбы, и им надо было выживать.

Что было дальше? Уже не первый раз я ощущаю влияние на наши судьбы какой-то сверхъестественной силы. Как узнал Фридель, где его отец, где мать, где брат, тем более что они все были в разных уголках страны, непостижимо. Единственное, что знал Фридель, что его старший брат – офицер служил в Самарканде. Значит, надо пробираться в Самарканд.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

А теперь представьте такую картину. Фридель после невероятных приключений оказывается в Самарканде. Но, где искать брата?

Если кто не знает или не помнит, всё-таки прошло много лет, подскажу, в то время люди терялись, как правило, в пути. И находили друг друга на вокзалах.

Да-да, именно на вокзалах, все стены которых были обвешаны объявлениями. Миллионы людей, таким образом, искали друг друга.

Другого способа найти или как-то общаться, не было. Так вот, Фридель отправился на вокзал. И видит объявление. Вот его текст:

Финя!

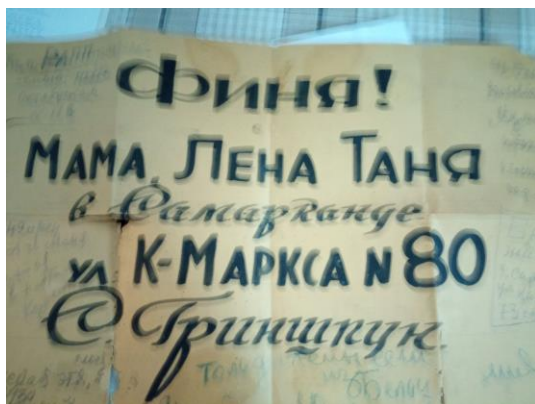
Мама, Лена, Таня

В Самарканде

Ул. К. Маркса номер 80,

Тринштун.

А сейчас вы видите подлинник этого объявления, написанного почти 78 лет назад:

Так Финя нашёл семью. А когда ему исполнилось семнадцать лет, его призвали в армию.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

И парень стал курсантом авиаучилища. Через полгода он сержант, мастер по вооружению сорок девятого истребительного авиаполка. В сорок третьем ему присвоили звание «гвардеец». Нет, не стрелял Фридель в немцев, но благодаря таким, как он, стреляли по врагу пулемёты и пушки наших самолётов, падали на немецкие головы советские бомбы. Фридель участвовал во взятии города-крепости Кенигсберг. А закончил войну в Польше.

Такими людьми, как Фридель может гордиться второй Белорусский фронт. Гордимся Фриделем и мы, его соплеменники.

ФИРА ЗАК

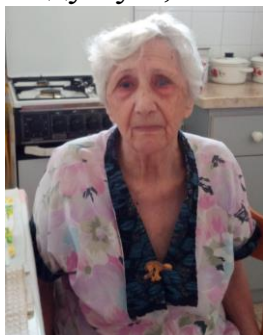
«Мне скоро будет девяносто. Да, девяносто. А каждую ночь снится один и тот же сон. Хотя нет, сны всё-таки разные, но об одном и том же».

Так начался мой разговор с этой очень милой женщиной.

- Фирочка, что же это за сон такой, который Вам снится всю жизнь, - спросил я её. Простите, я не представился. Меня зовут Анатолий Зусман. И сейчас я веду разговор с этой замечательной женщиной, Фирой Зак. – Неужели этот сон о любви, о той незабываемой любви, которая Вас сопровождает всю жизнь.

- Нет, мои сны не связаны с любовью. Они с войной. Прошло почти восемьдесят лет, как началась та война, а она меня не хочет отпускать, не даёт покоя.

- Расскажите, пожалуйста, о Ваших снах. Откройте душу и, может быть, Вам станет легче.

- Я Зак Фира. В девичестве – Гутман. В сорок первом мне исполнилось десять лет, и я совершенно искренне считала себя взрослой девочкой. Правда, родители этого не понимали и обращались со мной, как с ребёнком.

Фирочка Зак

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

И ещё. До войны я жила в самом прекрасном городе на свете, в Киеве. Вы бывали в Киеве? Тогда знаете, что это за город. Поздней весной, в начале лета каштаны украшали Крещатик, а сладкий запах акаций, особенно по вечерам, будоражил детскую душу.

Как замечательно было моё детство. Мне даже кажется, когда произносят слова «золотое детство», то это про меня. Да-да, именно так всё и было. Мы жили на улице, до войны она называлась «Светлова». Дом номер семнадцать. Это в самом центре, параллельно Крещатику. По ней ещё ходил трамвай из Лукьяновки до Крещатика. А я на нём ездила в школу. Пока не началась война.

До войны в Киеве проживало много евреев. И, конечно, среди них с первого дня войны шли разговоры, ехать, не ехать. Теперь хорошо известна судьба тех, кто не уехал.

А моя мама твёрдо решила ехать. Папа тринадцатого апреля сорок первого года, как кадровый военный, был направлен на военные сборы. И мы его больше не видели. Поэтому мама без него принимала решение эвакуироваться. И мы поехали. Сейчас я уже точно не помню, куда, но вначале это был Краснодарский край. Там мы задержались ненадолго. Пока не подошли немцы. Потом поехали дальше. Мне даже кажется, что нас на протяжении всего пути бомбили.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Однажды, по дороге бомба попала в вагон, находившийся в середине состава. Сколько прошло с тех пор лет, а не могу без содрогания вспоминать эти, казавшиеся вечностью, минуты.

Горит всё, что осталось от вагона, пламя перекидывается на соседние вагоны. Грохот стоит невероятный, всё в дыму. Мы выскочили из своих вагонов, мечемся, ничего не понимаем. Ужас охватил нас. Какая-то команда пытается сбросить горящие остатки вагона в откос. Иначе мы не сможем ехать дальше. Дети кричат, мамы кричат.

Сбросив бомбы, самолёты не улетели, а начали стрелять по людям из пулемётов. Даже не верится и сегодня, что нам удалось вырваться из того горящего ада.

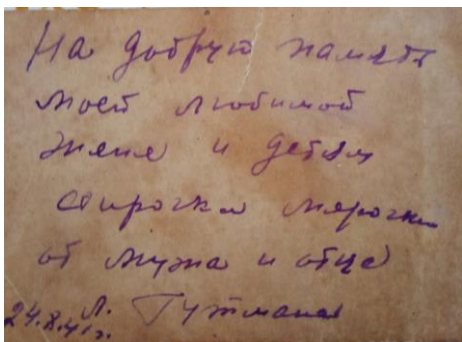
Я не сказала, что папа в августе добрался до Киева. Он хотел узнать, где мы и что с нами. Но нас там не нашёл. Он встретился со своей двоюродной сестрой и передал для нас свою фотографию. И надписал её.

Правда, фотография плохого качества... но это всё, что осталось от него.

- Я смотрю на эту фотографию и думаю, что она должна остаться в памяти тех, кто будет когда-нибудь держать эту книгу. Ибо это не просто память! Это папа Фирочки Зак.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

А разве можно не показать надпись на обороте. Ведь это последний сердечный привет оттуда, с августа одна тысяча сорок первого года.

А когда мы ехали на Урал, я потерялась. Вернее, не потерялась, а отстала от поезда. Мы ехали с частыми остановками. Почему машинист останавливал поезд, мы не знали. Точно также мы не знали, когда он снова тронется. А ехали в теплушках. Слезть на землю из вагона было не просто, а залезть в него, гораздо труднее. И вот, я, мама и братик, ему тогда было четыре года, слезли. А когда поезд тронулся, мама успела, схватив братика, взобраться в вагон. А я не успела. Поезд ушёл.

Так я потерялась. Было страшно. Я одна. Вдалеке что-то ухает, вероятно, стреляют. Над головой пролетают самолёты с крестами. А слева и справа от дороги – лес. Пошла по шпалам. Шла весь день. К вечеру стало холодать, а на мне ничего тёплого. Стемнело, я всё шла и шла, сколько могла, затем свалилась и, кажется, потеряла сознание.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Меня нашёл обходчик. Если бы не он, я бы к утру замёрзла. Он подхватил меня на руки, отнёс в будку, обогрел, растёр руки и ноги. Они были сильно обморожены. И даже сейчас, если глянуть на мои ноги, они в тех отметилах.

А следом за нашим поездом шёл другой в Свердловск с ленинградскими детьми. Это были дети, оставшиеся без родителей. Вот обходчик и посадил меня в тот поезд.

В Свердловске мы оказались в детском доме. Условия в нём были, по меркам военного времени, вполне приличные. Нас одели, неплохо кормили, мы учились по утрам, а затем отправлялись в ближайший госпиталь. Там пели для раненых, писали им письма, как могли, ухаживали. Так вот я и жила.

Однажды после занятий мы пошли на вокзал, встречать поезд с ранеными. А на соседний путь прибыл поезд из Пермской области. Из поезда на перрон сошла женщина, подошла ко мне, я почему-то замешкалась и стояла одна. Она хотела узнать, где поезд, кажется, на Воткинск. Яглянула на неё, это была моя мама.

О том, чтобы найти маму, я уже не думала, не надеялась, что когда-нибудь свидимся. Ведь прошло полгода. И мама меня нашла. Как это получилось, до сих пор не знаю. Видно бог услышал мои ночные просьбы. Счастьемоему не было предела. Если бы вы знали, как я была счастлива,

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

когда мои руки обвинили маму. Я прижалась к ней и замерла. Мамино тепло... мне ничего больше не было нужно. До сих пор помню эти счастливые минуты. Вот и сейчас, я вспоминаю эту встречу, а на глаза навёртываются слёзы.

Мама взяла меня из детского дома. Меня сначала не хотели отпускать, говорили, что в детском доме мне будет легче выжить. Но мама сказала, что не оставит меня вдали от себя. И что будет с ней, то будет со мной и братом. Так я с ней отправилась в деревню Ракино. Там работал мой дедушка. Он был кузнецом. А ему помогал мой двоюродный брат, Ему было уже одиннадцать лет. И он работал молотобойцем.

Помню один эпизод. Мой братишка, я уже говорила, что ему было четыре года. Он спросил бабушку: «Ба! Скажи, будет ли когда-нибудь такое время, когда хлеб будет лежать на столе, и его можно будет просто так брать и кушать?»

А в сорок четвёртом, когда Киев освободили, мы вернулись и до самого отъезда в Израиль я жила в Киеве.

- Где же вы жили после войны, когда вернулись в Киев. Он же был сильно разрушен.

- Да, правильно, разрушен. Нас приютила дальняя родственница. Мы жили у неё в подвале. В нём не было света, было сыро и холодно, но мы были очень рады и счастливы.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

- А что же Вам снится? Если, конечно, об этом можно говорить.

- Что снится? Много детей. Таких же детей, как я, как тогда. Мы все вместе и куда-то едем, едем, едем. И летят на нас бомбы, немецкие бомбы. И грохот стоит ужасный. И всё в дыму. И дети... многие лежат и не двигаются. Поезд горит, я кричу от страха. И ещё. Во сне я всегда хочу кушать. Да-да, кушать. И мне всегда холодно. А одеть нечего, я кутаюсь в какое-то тряпье, но мне всё равно холодно...

И эти сны меня не отпускают. Война живёт во мне, не хочет отпускать, держит.

- Можно задать ещё один вопрос?

- Спрашивайте.

- Вам не страшно жить одной? Ведь метапелет приходит только по утрам, а затем вы дома остаётесь одна.

Фирочка улыбнулась своей лучезарной улыбкой и промолвила:

- Я не одна. Нас трое. Диван, телевизор и я. Нам троим хорошо.

АННА ВОДОПЬЯНОВА

Я держу в чуть дрожащих руках альбом. Альбом памяти. Его сделала внучка Аннушки Водопьяновой. Красивый альбом, где каждый лист оформлен с большой любовью. Дочь Анны, Элла с гордостью демонстрирует его. Видно, что в этой семье бережно относятся ко всему, что связано с войной, с Холокостом. Ведь у Аниной мамы было четырнадцать детей. А после войны осталось пятеро. А муж, старший политрук, с первых минут принявший бой с гитлеровцами, канул в вечность. И только справка осталась, что он пропал без вести. Под Могилёвом. Пропал, как миллионы солдат, в первые же дни войны.

Вглядитесь в это лицо! Посмотрите на натруженные руки...

Присмотритесь к глазам. И вы увидите ту правду, о которой можно сказать всего двумя словами: правду памяти.

- До тридцать девятого года мой отец работал председателем городского Совета города Ветка. В этом месте река Сож разветвляется на две ветви. Возможно, отсюда и пошло название этого городка. Тогда в нём из шести тысяч населения большую часть составляли евреи. В городе было семь синагог. Но всё это – до войны. А

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

в тридцать девятом отца, он был коммунистом, направили в Польшу в Ломжу. Укреплять советскую власть. Это произошло сразу после того, как советские войска заняли по договору с Германией свою часть Польши. – Так начала свой рассказ Аня Водопьянова. Затем продолжила.

- Расположенный на холме, над извирами реки Нарва, по всем меркам это был серьёзный город с населением более шестидесяти тысяч. Перед переездом отец продал наш дом и купил оборудование для швейной фабрики, которую построили на новом месте. У меня на новом месте было много друзей и мою жизнь ничто не омрачало.

Аня Водопьянова, остановилась, подумала немного и продолжила.

- 24 июня сорок первого года немецкие войска вошли в Ломжу. А за день до этого отца, как старшего политрука, направили в армию, и он перед этим приказал солдатам вывезти нас в лес в подготовленные, на всякий случай, землянки.

В это время немецкие танки уже переезжали по мосту через реку и направлялись в город. А на шоссе, проходившем через лес, на мотоциклах разъезжали эсэсовцы в чёрной одежде. Они из пулемётов расстреливали мирных жителей.

В лесу, солдаты высадили нас возле землянок и сказали, чтобы мы сидели и ждали, когда за нами приедут. Землянки были забросаны хвойными ветками, поэтому они не бросались в глаза. Мы

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

сидели там и всё видели. Мы видели этих мотоциклистов. Ведь это было почти рядом с нами. Это было ужасно. К счастью нас они не нашли.

А мы ждали, кто нас вызволит из леса, так как самим это было не под силу. Да мы и не знали куда направляться. Чего мы натерпелись в том лесу, передать невозможно. Ведь мы каждую минуту ожидали, что немцы нас найдут и расстреляют. До сих пор, как вспомню те дни, ужас охватывает меня. Это забыть невозможно.

Нас спасло то, что отец всё время помнил о нас. Как ему удалось достать, а затем прислать машину, когда кругом уже были немцы, мы не знаем, было не до расспросов. Мы улеглись в кустов и поехали. И всю дорогу вдоль неё лежали трупы. Дети, женщины, старики. Несколько раз в нас стреляли, но, слава богу, проскочили. И вот мы в Ветке.

Подъехали к дому деда. А его с бабушкой люди из райкома партии уговаривают бежать. Иначе, говорят, как родителей известного партийного работника, их расстреляют. Дедушка упёрся, «Без коровы не поеду». А мы уехали. В это время немцы уже были в Гомеле.

Дорога. Нам было известно, что четыре состава перед нашим поездом немцы разбомбили и пустили под откос. Вместе с людьми. Наступила наша очередь уезжать. Страшно было заходить в вагон. Ведь мы знали, что едем умирать. А выбора

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

не было. Или здесь, или там, в пути. Выбрали путь. И проскочили. Может, потому, что выехали поздно ночью.

А дедушка с бабушкой не поехали, но в последний момент, всё бросив, ушли пешком. Да ещё взяли с собой корову. Но не выдержала всех тягот корова, подохла. Шли под проливным дождём. Бабушка простудилась и заболела воспалением лёгких. И вскоре умерла. А через пару месяцев, уже в Узбекистане скончался и мой дедушка. Вот, что значит «без коровы не поеду».

Нас довезли до станции Аягуз, что в Семипалатинской области. Это в Северном Казахстане. Там расположился госпиталь и маму, как жену офицера, сразу устроили туда на работу. Да, то, что отец был офицером, к тому же партийным работником, нам очень помогало. Военком в Аягузе, увидел нас, раздетых и разутых. Мы, действительно, явились к нему босыми, обуви у нас не было. Он сказал, глядя на маму: «Эту семью надо сохранить!» И он приказал выделить нам и дать солдатские кровати. Кроме того, по его же приказу солдаты привезли нам дрова и накололи их.

В том же году я окончила семилетку и начала работать. Не смейтесь, на военном заводе сначала учеником, а затем токарем. Так токарем я и проработала пять лет. И только, когда заболела, да так, что не могла больше стоять за станком, перевелась на более лёгкую работу.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Освободили Белоруссию, мы вернулись в Гомель. И опять же, в обкоме партии помнили отца, помогли с жильём. Правда, вначале подселили к одной семье в комнатку пять квадратных метров. Вы не представляете, как мы были рады оказаться в этой комнатушке.

Прошу вас, посмотрите. Это всё, что осталось от мирного довоенного времени.

*Слева мама Ани.
А справа от мамы бабушка и дедушка. Те, что пошли пешком.*

А вскоре мы получили двухкомнатную квартиру. И зажили, если так можно сказать, по-царски. А я, как начала там работать на трикотажной фабрике, так сорок лет на ней и проработала.

Аня замолчала. На её лице промелькнула тень, видимо, воспоминания о том периоде её жизни вновь поднялись из глубин памяти.

РОЗА МИГДАЛЕВИЧ

«Говорят, что пульман – это комфортабельный спальный железнодорожный вагон. Вероятно, не врут. Вот только те пульманы, в которых мы ехали, спасаясь от немцев, не имели крыши, а внутри них было пусто, никаких кресел или чего другого в них не было. Сейчас я думаю, что таким образом в них можно было разместить больше пассажиров. Правда, так комфортабельно мы ехали не всегда. Больше в обыкновенных теплушках, но тоже без крыши. Сейчас в таких вагонах даже скот не перевозят».

Роза Мигдалович, от которой я только что услышал начало её рассказа, родилась в городке Калинковичи Гомельской области. До Минска от городка почти триста километров. Он был, да, вероятно, и остался красивейшим городом Полесья на юго-востоке Беларуси. Необычный сказочный ландшафт, изрезанный речушками и оврагами.

Жизнь в городе протекала спокойно, тихо. У Розы – шестнадцатилетней девушки с красивыми глазами, было много друзей. И ничто не омрачало её дальнейший путь. Если бы не война.

В город война ворвалась с первых же дней нападения гитлеровцев на Советский Союз. Ворвалась гулом пикирующих самолётов, падением и разрывами бомб. Стеной огня и чёрного дыма. Страшнее падающих и издающих ужасный вой бомб, по её словам, ничего не было. Этот вой про-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

никал во все щели, от него не было спасения. А ещё были бомбы, которые падали, но взрывались не сразу, а через некоторое время.

И самое главное, всё произошло так стремительно, что времени на размышление не осталось. В чём были, в том и поехали. Без еды, без одежды, без какой-либо надежды на будущее.

Доехали до Воронежской области и остановились в каком-то селе. В совхозе Розочку отправили в поле. Мужчин забрали в армию, вот женщины и заменили мужчин. В совхозе действовал принцип: кто не работает, тот не ест. Так начала Роза свою трудовую деятельность. Работала с восхода солнца и до заката. А, закончив трудовой день, падала без сил, едва дойдя до кровати. Но и эта жизнь продолжалась недолго.

Бомбёжки, бомбёжки, бомбёжки, не было им числа. Казалось, что война стремительно шагает вслед за Розой. И снова в путь. На сей раз до Казахстана. И снова в деревне. Днём в поле, вечером в школе. Так Роза работала и училась.

А на мой вопрос, что ей запомнилось больше всего, ответила: «Грохот от разрывов бомб. А, когда с Ливана обстреливали ракетами Тверию, всё нахлынуло вновь, будто и не было тех мирных лет».

МИХАИЛ ХЕЙФЕЦ

По указу князя Григория Потёмкина в устье реки Ингул в 1788 году была заложена верфь, вокруг которой начал строиться город. А в 1790 году был спущен с верфи первый корабль — 46-ти пушечный фрегат «Святой Николай». Так было положено начало постройки в Николаеве крупных парусных военных кораблей и определена основная отрасль города — судостроение (Из Википедии).

Михаил Хейфец родился в этом городе. Какой мальчишка, родившись и живя на море, и не мечтал стать моряком? Он с детства решил выбрать профессию корабела. Будучи пионером, записался в кружок «Юный моряк» во Дворце Пионеров.

Как заправский моряк Мишка мог завязать нужный узел, крепить, или на морском языке — «найтовить», а, если проще, привязывать различные предметы, находящиеся на судне, чтобы при качке они не падали и не сдвигались с места. И, как и другие мальчишки, ходил летом под парусом на яхте.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

А в июне сорок первого года, как член кружка, оказался в пионерском лагере на берегу моря, в старшем отряде. Всё-таки было Мишке пятнадцать лет. И, вероятно, стать бы Мишке моряком, не начнись война. Первую неделю войны ребята из старшего отряда в противогазах по ночам дежурили на берегу моря. Вооружённые палками они внимательно всматривались в морские дали и думали, что готовы отразить вражеский натиск. И гордились таким поручением. Но вскоре родители забрали детей по домам.

Отец Мишки, работавший на Николаевской электростанции, чтобы парень не болтался по городу, взял его к себе и устроил учеником электромонтера в группу автоматики. Мишка на лету схватывал премудрости монтерской работы, за поясом у него теперь висели пассатижи и несколько отвёрток, а в кармане кусок изоляционной ленты. С этого дня детство у Мишки закончилось.

А в августе, уже под бомбёжками, Мишина семья переезжает в Сталинград. Они едут в эшелоне, в котором везли демонтированное оборудование электростанции. По дороге их эшелон был обстрелян, и Миша с мамой спрятались на время налёта в поле под стогом сена. Им казалось, что стог надёжно защитит их от осколков разорвавшихся бомб.

В Сталинграде у Миши начался следующий этап – жизнь и работа на СталГРЭС, где было

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

смонтировано николаевское оборудование. Рядом с ГРЭС находился огромный химический комбинат, куда устроился работать Мишин брат. А Миша продолжил свою деятельность на ГРЭС. Но теперь только после окончания краткосрочных курсов, не электромонтёром, а электрослесарем по ремонту трансформаторов и оборудования подстанции. И всё это продолжалось до сентября сорок второго года. И снова немцы.

К этому времени и брат, и отец уже воевали. Всем хорошо известен налёт немецких самолётов на город Сталинград, когда от города практически ничего не осталось. Это случилось 23 августа 1942 года. Фашистская авиация буквально смешала его с землей. Миша сказал, что горели даже камни.

Вновь пришлось готовить оборудование к эвакуации. Уже на Урал. Легко говорить готовить. Таких налётов вражеской авиации не знал ни один город. Миша вспоминает, что не было часа, чтобы сверху на них не сыпались бомбы. И казалось, что это – самый настоящий ад. Не знал он тогда, что подлинный ад оказался позднее. Когда пришлось выбираться из города, да по Волге. На барже.

Баржа с оборудованием и людьми готовилась к отплытию. Волга кипела от разрывов снарядов, бомб и пуль. Оставалось лишь подождать, пока пройдут несколько барж, отправившихся в смертельный путь на полчаса ранее. Прямо на Мишиных глазах бомба попала в одну из барж и

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

та почти мгновенно скрылась под водой. А следом в путь отправилась его баржа. Эти часы, что они плыли, навсегда осели в памяти, ведь шансов уцелеть, практически не было. Но, кому было суждено выжить, а Мишка оказался в их числе, выжили. Выжили несмотря ни на что.

Дальше было проще, хотя тоже под обстрелом. Погрузили в теплушки оборудование. Сели сами. И поехали на Восток.

Урал, Среднеуральская ГРЭС. Рядом с ГРЭС перебазировался с Харькова завод, переведённый на военные рельсы. И Миша с мамой начал работать уже на этом заводе. Но теперь он сначала ученик токаря, затем токарь. И стал Миша делать снаряды. Всё для фронта! Этот лозунг и эта работа сопровождали его до самого конца войны.

И всё-таки сбылась Мишкина мечта. Пусть он не стал мореходом. Но через несколько лет на самом крупном в Союзе судостроительном заводе в Николаеве появился токарь Михаил Хейфец.

Михаил Хейфец в Израиле

Пожелаем Мише в Израиле долгих лет жизни и мирного неба над головой!

ДМИТРИЙ ГИТЕЛЬМАХЕР

Жила на тихой киевской улице еврейская семья Гительмахер. Отец был военным. И росло в семье четверо детей: два мальчика и две девочки. Когда началась война, отец, как и положено, покинул семью и ушёл воевать. А семье военнотружущего предложили уехать в тыл. Но предложили не сразу, всё-таки был приказ не сдавать город врагу, надеялись отстоять Киев, не получилось.

И уже в последний момент подъехал к дому грузовик с солдатами. Старший по команде сказал, немедленно грузиться в машину. Времени на сборы не оставили. Семья, кто, в чём был, в том и поехали. Даже еду не успели взять, об одежде вообще никто не подумал. Ведь говорили, что скоро все вернутся в свои дома.

Привезли на железнодорожный вокзал, а там поезд уже готовится к отходу, паровоз стоит окутанный белым паром. Товарный. Других к тому времени на железнодорожной станции уже не было.

Влезли в вагон, над головой небо в звёздах. Так и поехали. Если, конечно, не считать постоянных остановок во время бомбёжек. Тогда так было положено, как только появятся немецкие самолёты, сразу стоп-кран и всем - врассыпную. И чтобы подальше от вагонов. Попади бомба в состав, будет шанс уцелеть. Так и бегали всё время.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

По пути несколько раз пришлось перебираться из одного эшелона в другой, а в это время многими сутками ютиться на вокзалах, бегать за кипяточком, слава богу, на всех вокзалах тогда можно было разжиться горячей водой. Так и добрались до Оренбургской области. Но не в город, а в небольшое село.

Колхоз, который их приютил, не был в числе богатых, ничего не мог им дать в виде помощи. Ни одежды, а надвигалась зима, ни еды, у самих с продовольствием были проблемы.

Но повезло им. В этом же селе разместился военный завод, эвакуированный из Днепропетровска. Старшие пошли работать на завод, а Дима, которому исполнилось только двенадцать лет, отправился работать в колхозе.

В конце лета при помощи комбайна собрали урожай пшеницы, но множество колосков осталось в поле. Вот Дима и такие же, как он мальчишки и девчонки, получили задание собирать колоски. Причём установили норму, сколько колосков надо собрать за смену. И попробуй не выполнить. Не получишь за этот день продуктов, денег-то им не платили. Но то было осенью.

А когда пришла зима, и на поля лёг снег, ребята получили новое задание: руками копать из-под снега картошку. Её до снега не успели собрать. Вот ту мёрзлую картошку и давали им за их труд.

Вот Диме тринадцать лет. И он уже ученик ФЗО, что значит – фабрично-заводского обучения. Стало легче. Да и продовольственную карточку рабочую выдали. А через несколько месяцев стал Дима жестянщиком, и получил работу на заводе. И даже пользовался некоторыми привилегиями, если это так можно назвать. Взрослым в день полагалось 500 грамм хлеба.

А ему, как несовершеннолетнему, целых семьсот! Но это только, если ты вышел на работу и отработал полную смену. А не вышел – хлеб не положен. Но выходил Дима на работу, здоровый, больной, не важно. Понимал, что семью кормить надо, как-никак единственным мужчиной он оказался к тому времени в доме. Отец и брат ведь были на войне. Так и жили они до самого того времени пока наши войска не освободили Киев. Тогда они поехали в обратную сторону.

А когда я спросил у Дмитрия, что ему запомнилось более всего в годы эвакуации, он задумался и не смог ответить. Помолчал, подумал и ответил: «Всё было плохо. Всё! То и помню».

АНЕТА ЛЕРЕР

Удивительно, как похожи судьбы всех, кто пережил ту войну, находясь в эвакуации.

Двенадцатилетняя Анета Лерер, тогда ещё Литман, жила до войны с папой, мамой и сестрёнкой в Луганске. Хотя многие его могут помнить как Ворошиловград.

В первый же день после нападения немцев на Советский Союз отца забрали в армию. Кто думал, что немцы дойдут до Луганска? Не думали и они. А когда начались налёты немецкой авиации на город, мама, ни минуты не раздумывая, взяла девочек и на поезд. Прямоком до Орджоникидзе, что на Северном Кавказе. Но от войны оказалось не так просто уйти. Настигла она их даже в Орджоникидзе. Поезд, в котором они ехали и приехали, уже в Орджоникидзе подвергся сильному авианалёту.

То, что произошло дальше ни предсказать, ни даже помыслить было невозможно. Для начала попробуйте представить себе картину происходящего. Грохот такой, что не слышно своего голоса, всё в едком дыму, жуткий вой пикирующих бомбардировщиков, пронзительный, давящий на уши свист летящих к земле бомб... можно сойти с ума. А ведь и сходили.

Почти все, кто находились в поезде, покинули его и принялись бежать. Кто куда, лишь бы по-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

дальше. Ведь именно поезд всегда был главной целью фашистов. Ужас гнал людей.

Они бежали и кричали, кричали изо всех сил, пытаясь криком заглушить и грохот, и свист, и свой страх. Страх подавил сознание людей. А самолёты, пикируя, расстреливали из пулемётов, мечущуюся из стороны в сторону, толпу.

Анета, как только они въехали в вокзал, и в этот момент началась бомбёжка, от страха заби-лась в уголок вагона и наотрез отказалась покидать это, казавшееся ей безопасным, место. Мама, накрыла девочку своим телом. Это было всё, что она могла сделать для своей дочери. Так они и лежали всё время, пока не закончился налёт. Затем наступила тишина.

Редко, но бывает и такое. Все, кто поезд покинули, погибли от пуль и разорвавшихся бомб. А те, кто остался в поезде, таких оказалось совсем немного, остались живы. Ни одна бомба в поезд не попала. Сказать, что повезло, так не то слово.

Перрон, железнодорожные пути, вокзал, всё- всё было усеяно мёртвыми телами. Кровь стекала в водостоки ручьями. Кое-где слышались приглушённые стоны. Мама, прикрыв лицо девочки платком, чтобы та не видела ничего вокруг, ибо видеть всё это было невозможно, выбралась из вокзала на привокзальную площадь. Возможно, тогда у мамы появились первые седые волосы.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

После этого налёта мама уже не захотела оставаться в городе и решила его немедленно покинуть. Что руководило её действиями, сказать невозможно. Вероятно, в состоянии крайнего отчаянья, может быть, аффекта, когда сознание уже ничего не воспринимает, а мышление перестаёт работать, она выбрала, как это не звучит парадоксально, путь назад. Не вперёд, вглубь страны, а назад. Да-да, именно так, назад в Луганск. В родной город. Где всё своё, знакомое и близкое. Ей казалось, что сейчас это единственное безопасное место на земном шаре.

И снова товарный вагон, идущий в сторону фронта, где всё громче слышны звуки войны, где непрерывные бомбёжки, и от них никуда не деться. И мама...

И молитва. Мама всё время молилась, она просила бога спасти семью. Она уже не верила, что можно спастись каким-либо другим способом. Только бог, только он может помочь. Только бы... И она молилась.

Вернувшись в Луганск, семья снова оказалась в своей квартире. Что делать дальше, мама не знала. Ей казалось, что стреляют везде. Куда бы они ни поехали, везде стреляют. И она на всё махнула рукой. «Будь, что будет», - решила она.

Наступил тысяча девятьсот сорок второй год. Немцы заняли ближайшие к городу посёлки. К Литманам пришёл хороший знакомый отца и

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

сказал, что везде на оккупированной территории немцы убивают евреев. В городе нельзя оставаться, надо уезжать. Он же помог им, посадил в один из последних поездов. В товарный вагон - пассажирские поезда давно уже не ходили. Странно, что ещё ходили товарные.

И поехали они в Ташкент. По дороге были пересадки на другие поезда, сыпались, сыпались, сыпались бомбы. Чего только не было. Но доехали.

Мама предполагала остановиться у родственников, но те отказались их принять, сказав, что самим очень тесно. И мама переехала в село, находящееся под Ташкентом. Там и нашёл их отец. Воюя, он был тяжело ранен, лежал в госпитале, его комиссовали. Отец узнал, где находится семья и приехал в это село. Так семья воссоединилась и до конца войны, редкое счастье, отец, мать и сёстры жили вместе.

В этом году Анета встретила своё девяностолетие. Встретила ни израильской земле. Посмотрите на это прекрасное лицо! Пожелаем юбилярше крепкого здоровья и бодрости духа на долгие годы!

Счастливейший возраст

ДИНА И ЛЕВ СОЛЬЦМАНЫ

- Вы хотите знать, как я жила до войны? - Начала свои воспоминания Дина Сольцман. - Во-первых, это было в Одессе. В Старом городе. И в старом еврейском дворике. Вы не знаете, что такое еврейский дворик? Это место, где с раннего утра и до позднего вечера звучит смех и шутки, впрочем, за те шутки, дело-то было до войны, одна наша соседка угодила на десять лет. Без права переписки. В центре дворика росли несколько деревьев. Они создавали тень, и малыши там играли в разные игры. Вот там мы жили, в комнате с большим балконом, выходящим прямо во двор.

Дело было как раз двадцать второго июня сорок первого года. У нас были гости, много гостей, ведь до войны родня была большая. Вбегают соседка, не та, что посадили, другая, и кричит на всю комнату так, чтобы слышно было в соседнем дворе: «Лиза! (это моя мама) – война!»

Диночка до войны

А на следующий день уже ничего и говорить не надо было, немцы бомбили город.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

И представляете, дворик, наш старый уютный дворик, начал пустеть. Прямо на глазах. И нам тоже следовало уехать. Но тут вмешался старший мамин брат: «Лиза! Куда ты поедешь? Трое детей! Подумай! Немцы – культурная нация, евреев не тронут!» Он был очень настойчив. Но как он маму ни уговаривал, чего ей только не говорил, как ни старался во всю, мама, слава богу, решила ехать.

Нам очень помогло то, что папу знали в порту и помогли сесть на пароход. На самый последний. Больше уже ни один пароход из Одессы не вышел. Даже дали место не на палубе. В трюме. Там хоть и было темно, но не так страшно. И ночью не так холодно. А в одном из трюмов ехали пленные немцы. Не знаю, откуда они взялись, но, что это были самые настоящие пленные немцы, знаю точно. Я не знаю, то ли это сделали они, то ли кто-то другой, но у нас по ночам не соблюдалась светомаскировка. Во время налётов зажигался где-то огонёк.

Так вот, ночью, уже перед рассветом во время очередного налёта немецкой авиации, тоже горел огонёк. Если бы не он, может, проскочили бы. Чтобы вы не задавали больше вопросов, одна из бомб попала в пароход. Он стал тонуть. А так как пароход был грузовой, то шлюпок на нём было мало. В них начали сажать только женщин и

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

детей. До берега было недалеко и нас на шлюпках, несмотря на большие волны, перевезли на берег.

Пароход медленно уходил под воду. Когда мы оказались в безопасности, парохода уже видно не было, он утонул.

- С тех пор, - вспоминает Дина, - я воды боюсь даже больше бомбёжек. Когда падает бомба, то не обязательно в тебя. И есть шанс выжить. А если корабль идёт ко дну, спасения уже не будет. Ведь плавать мы не умели.

Когда тебе семь лет, то всё вспомнить не так просто. Только самые яркие моменты. Мы добрались до Махачкалы, затем через Каспий до Красноводска. И оттуда приехали в Ташкент. Почему мы ехали в Ташкент? Там уже много лет жил мамин старший брат, а всего у мамы было семеро братьев. Он нас встретил, и я хорошо запомнила тот день. День, когда мы оказались в комнатке у дяди.

За то время, что мы мыкались по белу свету, мы ни разу нигде не мылись. Грязь, вши... Пахли мы, извините, будто нас вытащили из помойки. И вот в лоханке меня моют горячей водой, с мылом, с самым настоящим мылом. Я и сейчас, когда закрываю глаза, вижу себя, получающую несказанное удовольствие от этого мытья. Мне даже кажется, что никогда после я не получала такого удовольствия.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

И последнее. Когда мы вернулись в Одессу, сначала мама со своими сёстрами, мы позже, то наша шикарная комната вместе с балконом оказалась занятой. Старушкой. Вот только у неё родственник оказался большим человеком.

Но наши соседи, люди, с которыми мы жили до войны, о которых говорят, что они настоящие одесситы, посоветовались и таки отдали нам свою кухню. В ней было всего четыре, от силы пять метров, и мы в ней жили. Я вспоминаю свою прошлую очень трудную жизнь и, признаюсь честно, меня поддерживает мысль, что я родом из Одессы.

Вы будете смеяться или мне не верить, но коренные одесситы, оказавшись в любом месте земного шара, всегда придут на помощь другим одесситам. И как тут не вспомнить слова из одной песни:

«Можно вытравить еврея из Одессы,
Но не вытравить Одессу из еврея».

Теперь о Лёве... И мы снова в одесском дворике. Но только на улице Кирова. Раньше она называлась Базарной. Типичный старый дворик. Туалет во дворе. Дверь на одной петельке. Болтается и повизгивает под напорами ветра. Но они к этому привыкли.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Комната, которую занимала семья Сольцман, тогда в квартирах жили в основном буржуи, окон не имела. Поэтому дверь была стеклянная. И находилась эта комната на втором этаже, куда вела деревянная, растрескавшаяся от старости, скрипучая до ужаса лестница. Говорить о размерах комнаты не хочется, чтобы вас не смущать её малыми габаритами. Семья жила бедно, но никто не унывал. Просто они не знали другой жизни. А, если и догадывались о чём-то, то вслух не говорили.

Однако жизнь улучшалась. И вот мы видим

эту же семью в другом доме, но на той же улице. В двухкомнатной, пусть и малюсенькой, но квартире. И тоже на втором этаже.

Семья Сольцман до войны

Подошла финская война. Это было в тридцать девятом. Отца призвали в армию. А в сорок первом году, несмотря на немолодой возраст, отец вновь пошёл воевать. Но, повезло ему, попал в трудовые войска. Его часть тогда грузила на товарной станции военные грузы в вагоны.

Когда его часть была командирована в Днепропетровск, семью Сольцман посадили на цинковые ящики с патронами, и они покатали вместе

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

с отцом подальше от войны. Тогда никто не знал, где находится подальше, где поближе.

Капитан Александров, командир части, решил отправить семью своего бойца в настоящий тыл, ведь к тому времени и Днепропетровск оказался в зоне непрерывных бомбёжек. Дали машину, и они поехали на вокзал. Да, к счастью, не доехали. Вокзал подвергся неслыханной бомбёжке. Горели составы, земля была усеяна мёртвыми телами. Пришлось вернуться. И уже позднее им удалось всё-таки оказаться в товарняке, прямо в вагонах, наполненных сыпучими материалами. То ли это был уголь, то ли песок, то ли и то, и другое. Но так вот и уехали.

Дальше было, как в сказке, чем дальше, тем страшнее. Не успевали они приехать в одно место, как через день-два то место немцы начинали бомбить. Так было в Краснодарском крае в колхозе "Красное Знамя». Перебрались в Нальчик, вскоре начали бомбить Нальчик. Казалось, куда не поедешь, везде бомбят.

Чтобы не утомлять вас перечислением всех мест, где побывала семья Сольцман, просто ограничусь перечислением основных: Баку (беженцев там кормили, давали даже хлеб), Красноводск (как вкусно пахли настоящие узбекские дыни), Чимкент в Северном Казахстане.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

В Чимкенте Лёва ходил в школу, изучал казахский язык. За кусок хлеба и бутылку молока он подрядился к хозяину, у которого они жили, охранять участок просяного поля от воробьёв.

А затем был путь назад. Бершадь, Винницкой области, после Бершади Крыжополь. И только после этого вновь Одесса. В Одессе Лёва, щупленький, худой, невысокий паренёк, но комсомолец, участвовал в ночных рейдах милиции. Это было во время пребывания маршала Жукова в Одессе.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

БОРИС И ИДА БОГУСЛАВСКИЕ

Левый берег реки Тясмин. Причудливые изгибы реки, густые леса и труднодоступные болота. Здесь уютно разместился город Смела. До войны в нём проживало много еврейских семей. Проживала в том городе и семья Богуславских. Боре, о котором сейчас идёт речь, в сорок первом году было десять лет.

Боря с мамой и папой перед войной

Трудности эвакуации. Все, кто с ними сталкивался, навсегда запомнили это время.

Мысли скачут быстрее скорого поезда. Су-ровикино, что в Сталинградской области. Казалось бы, так далеко от войны, что можно спокойно жить. Но враг пришёл и туда. Сорок второй год.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Надвигалась зима. По Волге плывёт ледяная крошка. По ночам мороз продирает до костей. Из Суровикино баржа, гружённая солью, с людьми поверх мешков, уходит подальше от разрывов снарядов и бомб. Ночью мороз превысил пятнадцать градусов. Многие на барже замёрзли. Ужас застыл в глазах десятилетнего мальчика. Живые, они плыли вместе с трупами. Вот так: живые и мёртвые вместе.

Пока не очутились в селе Большая Таволожка Саратовской области. Умиравшие от голода и холода. Не надеющиеся уже ни на что.

Кто сказал, что в тылу хорошо? Кто сказал, что в тылу легко? Тот не был в этом тылу. Умирали, умирали, умирали. От голода и от холода. От болезней и непосильного труда. От бомбёжек. От безысходности и потери веры в себя. Вот и Боря с мамой не были уверены, что выживут в этом селе. Но нашлись добрые люди. Старики, их сыны воевали, взяли женщину с ребёнком в свою семью. Обогрели, поделились едой.

А ещё до того был район Баскунчака. Поезд остановился на одном из перегонов. Боря побежал за горячей водой. В это время на соседний путь подошёл санитарный поезд. И тут начался налёт немецкой авиации. Ужас охватил мальчика. Он кинулся в поисках убежища и побежал. Забежал в какой-то подвал. Там он сидел и пережидал бомбёжку. Когда всё стихло, Боря вылез наружу. То,

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

что он увидел, сковало его разум. Перед взором мальчика предстала ужасающая картина. На земле валялись, на деревьях висели куски человеческих тел. С тех пор Боря стал заикаться.

А в Большой Таволожке Боря работал пастухом, помогал в полях, работал везде, где только надо было работать. Колхоз. Ничего, что малой, тогда это было нормой – все работали.

Мы снова в городке с красивым названием Смела. Да-да, всё та же Смела. И та же река Тясмин. И дочке Портной, будущей жене Бори Богуславского, было только пять лет.

Её отец в первый же день войны, а он был военным, отбыл в действующую армию. Он хорошо понимал, что ждёт евреев, если придут немцы. Поэтому, покидая родной дом, сказал жене: «Немедленно бери детей и уходи! Уходи!»

Ида вспоминает первые дни войны. Почти непрерывные бомбёжки, бежать было некуда и она с мамой и братом с ужасом пережидали, когда всё закончится. Ужас от бомбёжек остался у девочки на всю жизнь.

А дальше всё, как у всех. Поезда, уходящие вглубь страны, уходили один за другим, но попасть в них было почти невозможно. Почему-то документов, необходимых для эвакуации у мамы не было, а без них в поезд не сажали. Как им удалось попасть в поезд, мама вспоминать не любила. И был маршрут, полный ужасов и страданий: Су-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ровикино Сталинградской области, куда отвозили беженцев, в основном, из Украины, затем Владикавказ, куда их вывез отец. Но и там было небезопасно. Поэтому маршрут продолжился. Баку, путь на барже через бурный Каспий, Краснодарск и, наконец, как бы в насмешку, железнодорожная станция «Голодная Степь». И городок Мирзачуль. Пять строчек и страдания, которым нет числа.

Идочке было шесть лет, когда она заболела брюшным тифом. Её остригли, и стала она похожей на мальчика.

Ида в кибитке

Но самое главное, Ида пошла на поправку. А брат, семиклассник, как и все дети его возраста, в основном, не столько учился, сколько проводил время в поле, убирал хлопок. Двенадцать часов в день. С рассвета и до заката.

За это, таким как он, давали один раз в день тарелку чечевичной похлёбки. И он эту похлёбку никогда не ел сам. Делился с сестрой и мамой.

Прошли годы. Ида вспоминает ту похлёбку: «Никогда в жизни я не ела ничего более вкусного». Наверное, так и было.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Закончилась война, отец вернулся с войны. Вернулся живой! И вся семья поехала на Запад, в свой город Смела. А там, где стоял их дом, высились только разбитые стены и люди на том месте устроили конюшню. Коней, конечно, убрали. И семья вселилась в свой дом. А в доме том не было ни крыши, ни пола. Так и начали мы новую жизнь.

Ида помолчала и продолжила: «На новый

год папа принёс ёлку. Он выкопал в полу посередине комнаты ямку и посадил туда ёлочку. Это я очень хорошо помню. Да, началась новая жизнь».

Сегодня, эта прекрасная пара, Борис и Ида, живёт в большой семье. Пожелаем же им счастья, здоровья и долгих лет жизни! В Израиле!

АЛЕКСАНДРА ХАЗАНОВА

Самолёты пикировали на состав, готовый к отправке. Сначала был только оглушительный рёв. Затем к нему примешался свист, и показалось, что небо обвалилось, и вот-вот лопнут ушные перепонки. Гул, свист, и удар... что было потом, оказалось страшнее любого фильма ужасов.

Грохот, когда, словно бумага, рвётся сталь и отовсюду полыхает огонь. И крики тех, кто ещё не погиб.

Вагон – теплушка для перевозки скота, в ко-

тором ехала восьмилетняя Сашенька Хазанова, перевернулся. Соседние вагоны вообще были разорваны в клочья. Мёртвые лежали повсюду. Раненные стонали. Всё перемешалось. В воздухе стоял удушливый смрад от горелого металла и всего, что в этих вагонах находилось. И невыносимый грохот и скрежет. Скрежет, от которого ныли зубы.

Маме и Сашеньке повезло, они отделались ушибами. Тётя, сестра отца, с которой ехала Саша, была в числе раненых.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

На следующий день воинская часть поставила вагон на рельсы, присоединила его к оставшимся вагонам, и товарный поезд покинул железнодорожную станцию. Случилось это шестнадцатого августа сорок первого года.

А ранее, двадцать третьего июня отец ушёл воевать. Мама, семья жила до войны в Днепропетровске, с его отъездом каждый день, как на работу, ходила на вокзал и отстаивала в очереди желающих покинуть город. Казалось, весь город стоял в этой очереди. И конца ей не было видно.

К августу вокзал в городе был совершенно разрушен. Бомбы перепахали там всё, что было – железнодорожные пути, все привокзальные постройки. Поезда из Днепропетровска уже не ходили.

И в эвакуации можно учиться на «отлично». Похвальная грамота Сашеньки Хазановой

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Уехать можно было только с небольших заводских железнодорожных станций. Вот там и случилась история, с которой начался этот рассказ.

Когда люди покидали свои дома, они не думали, куда попадут. Главное, чтобы подальше от ужасов войны. Так Саша попала на Урал. В далёкое село в Челябинской области. Жилья не было. Еды никакой. Голод - лютый. Да ещё знаменитые сибирские морозы. Всеми правдами и неправдами мама стремилась вырваться оттуда в Среднюю Азию. Думали в Ташкент. Но город Ташкент к тому времени оказался переполненным настолько, что уже отказался принимать новых беженцев. Маме удалось вырвать семью в Андижан.

Там мама устроилась на работу в чайхане. Это позволило как-то выживать и надеяться. Надеяться на лучшее.

А в заключение хочется сказать: сколько же понадобилось физических и моральных сил маленькой девчужке Сашеньке, чтобы пережить весь ужас тех памятных лет. И к тому же в школе учиться только на «отлично». Наверное, генам никакая бомбёжка не страшна!

РИТА ЛЕРМАН

- Я хорошо помню первый день войны, - так начала свой рассказ Рита Лерман. – Был воскресный день. Мама с утра послала меня в магазин за хлебом. Всё-таки мне было восемь лет, я считала себя большой девочкой. В магазине было много людей, а хлеб ещё не привезли. Я постояла, но, когда народ разошёлся, ушла домой и я. Прихожу, а мама плачет. Говорит: «Будет война! Сейчас по радио будет выступать Молотов». Мужчины, жившие в доме, не дождавшись выступления министра иностранных дел, вышли во двор и начали копать траншею.

А ночью на город немцы совершили первый авианалёт. Папа, считая, что война продлится недолго, и немцы будут отброшены, ведь Красная Армия сильнее всех, в тот же день отвёз нас, маму, меня и младшего брата Арнольда на дачу в село Качалино. Оттуда до железной дороги было шестьдесят километров. Вскоре папа снова приехал. Он получил повестку и перед отправкой на фронт привёз нам тёплые вещи. Если бы не эти вещи, не знаю, как бы мы перенесли холода.

Когда немцы подошли к Брянску, председатель сельсовета дал нам подводу, и затем на поезде мы приехали на станцию Качалино, что не очень далеко от Сталинграда. Там мы застряли до

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

тех самых пор, пока война не оказалась, буквально, у самого порога. Из Качалино мы ничем выехать не могли. Председатель колхоза отказался нам помогать. Бой шёл уже за околицей. Мимо нас пробегали бойцы, в основном это были раненые. И только, когда мимо нас проходила отступающая воинская часть, в которой было много раненых, старшина посмотрел на нас и посадил в переполненную машину. Так мы доехали до Камышина. Это потом мы добрались до Змейнагорска в Алтайском крае. Военком выделил нам участок земли, мы его засадили картошкой. Так вот и смогли выжить.

РИММА ВАРФОЛОМЕЕВА

Тысяча девятьсот сороковой год. Граница с Финляндией. По договору между СССР и Финляндией после войны 1939 года часть территории Финляндии отошла к СССР. В том числе и город Сортавала, расположенный вдоль северного берега Ладожского озера. Со всех сторон город окружали леса и озёра. Неподалёку от города Сортавала в скальных горах, поросших густым хвойным лесом, проходила новая граница. Там находилась советская пограничная застава. При заставе построили пять деревянных финских домиков, в которых проживали семьи

офицеров-пограничников.

В одном из домиков жила семья офицера Варфоломеева. И было их три человека: папа, мама и дочурка шестилетняя Риммочка.

Римма Варфоломеева: занимайтесь физкультурой! И будете такая, как я!

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Посёлок Комсомольский окружали дикие непроходимые скалы и густой лес.

И был небольшой гарнизон, да немецкие овчарки, проходящие вместе с солдатами нелёгкую службу. И лошади, на которых в случае необходимости передвигались и солдаты, и семьи военнослужащих. По всем меркам это была самая настоящая глушь, но где ещё быть офицеру-пограничнику. Погранзаставу не выбирают.

Несмотря на то, что там пролежала граница с Финляндией, а не с Германией, с первого дня войны начались обстрелы и бомбёжки посёлка. Немедленно все семьи были эвакуированы. Их посадили в полуторку и повезли. Вначале в город Сортавала. И только оттуда им удалось погрузиться в поезд. Тогда ещё можно было ехать в пассажирском поезде.

Война и эшелон, идущий в тыл. Сколько раз мы встречались с этой ситуацией, и всегда было одно и то же. Непрерывные бомбёжки, когда рвутся железнодорожные пути. Останавливался поезд, восстанавливали разбомблённый участок и двигались дальше. И так до городка Новоузенска в Саратовской области, расположенного практически на границе с Казахстаном. И был голод, и были суровые морозы, и были все остальные прелести той жизни.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

А в сорок третьем, когда наши войска двинулись на Запад, за ними двинулись и мирные жители. В том числе и мама с дочерью. И всё, чего не получила Римма по дороге туда, на обратном пути с лихвой досталось и ей. Весь обратный путь на Запад был усеян умершими людьми. Они умирали семьями от голода и от болезней, от бомбёжек и от обстрелов. Люди стремились поскорее добраться домой, но путь домой оказался тернистым. Многие так до дома и не добирались. А железнодорожная станция Ворожба навсегда запеклась в памяти. Такого количества мёртвых людей Римма больше нигде не видела. Но эту картину она запомнила навсегда.

АСЯ КАЧАРОВСКАЯ

С незапамятных времён на берегу широкой, полноводной реки Припять расположился город Мозырь. Его улицы проходят по набережным реки и склонам бывших оврагов, поэтому Мозырь имеет незабываемый своеобразный ландшафтный облик. Вот в этом городе до войны и проживала семья Шухерман. По всем меркам – это была большая семья: папа, мама, два мальчика и две девочки Ася и Циля.

Только началась война, как отца призвали в действующую армию. И осталась женщина с четырьмя детьми на руках. И было у этой семьи всё, как у всех, кто жил в то время. Бомбёжки, очереди на эвакуацию, сборы. И посадка на баржу до Киева. И поплыла баржа под непрерывными налётами немецкой авиации. Кипела Припять от разрывов бомб, кипела вода в Днепре. Во время каждого налёта баржа приставала к берегу, и все пассажиры покидали её, пережидая налёт на берегу.

Во время одного такого налёта Асенька упала с трапа в воду. Вода была холодная, и девочка простыла. У неё поднялась высокая температура. Так, больная, она продолжила весь дальнейший путь. И вот он Киев. Не тот, довоенный город - красавец. Каждодневные бомбёжки сделали своё

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

дело. Город пылал. Жить было негде. Пришлось, как можно скорее, выбираться из города и ехать дальше, но уже в товарном вагоне невыносимо медленно идущего поезда. Больная Асенька в продуваемом насквозь вагоне задыхалась. Лекарств не было, да и, по правде, еды тоже почти не было. А вот холод был. Он проникал во все щелочки вагона.

Девочка умирала. Жить ей оставались считанные дни. Мама даже приготовила, на всякий случай, специальную одежду, чтобы проводить доченьку в последний путь. Что случилось дальше, расскажу словами самой Аси.

«Лежу и понимаю, что умираю. Мне даже показалось, что я уже умерла. Вдруг вижу, в дальнем углу вагона появились два санитары в белой одежде, с носилками. За мной, подумала. А они не подходят. Стоят и смотрят на меня. Я говорю маме: «Мама, посмотри туда. Там санитары. Они пришли за мной». А мама отвечает: «Доченька, нет здесь никаких санитаров». А я ей: «Но я же их вижу!» С той поры пошла я на поправку. А кто приходил за мной, не знаю.

Сколько прошло с тех пор лет, я так и не знаю, кто приходил ко мне. Или мне всё это показалось. Но я же сама всё видела. Наверно, боженька присылал кого-то. Не иначе».

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

В пути у нас было много пересадок, где-то мы останавливались на несколько дней, но снова ехали подальше от войны. Так мы оказались в деревне Воздвиженка Иртышского района Павлодарской области. И жили там до конца сорок четвёртого года.

Вы спрашиваете, как мы тогда жили? Как все. Голодали, мёрзли, особенно зимой и все работали. В колхозе без этого было нельзя. Детским рукам в колхозе были рады, ведь кто тогда там работал - женщины и старики. Вот и нам нашлось применение.

Что я запомнила? Грубо сколоченные деревянные нары без матрасов... нет. Пожалуй, только тех санитаров, в белых одеждах, что с носилками меня с того света вызволили. Жаль только, что кроме меня их никто больше не видел.

Ася Качаровская, а это была она, сказав последнюю фразу, замолчала. Видимо, воспоминания больше не располагали к дальнейшему разговору.

ЭЗРА И ЛЮБОВЬ ПОЛОНСКИЕ

Вы говорите - Кропивницкий? Нет-нет. Кировоград. Мы жили в Кировограде. Это сейчас его переименовали в Кропивницкий. А мы кировоградчане. И останемся ими. И гордимся этим. И я, и Эзра.

Эзра Полонский – мой муж. И мы оба из одного города. Только в детстве я носила фамилию Замаховская. Это уже после замужества стала Полонская. Когда началась война, мне было восемь лет. Жили мы одной семьёй: папа, мама, бабушка, бабушка, тётя и я. Но папа сразу, как только началась война, получил повестку. До ухода на фронт у него было несколько дней, и он, первым делом, отправил нас поездом вглубь страны, подальше от бомбёжек, от войны.

Я уже не помню тех мест, где мы останавливались. Всё перемешалось в памяти. Было много пересадок. Поезда, города, снова поезда, потом деревни и снова поезда. Непрерывные остановки, всех в пути куда-то пропускали. Создавалось такое впечатление, что мы никому не нужны. Поэтому мы ехали всё время очень медленно. Когда оказались где-то в центре России, пришли холода.

Вообще, зима в сорок первом году наступила рано и была лютой. Мама поняла, что зиму с сорокаградусными морозами мы не перенесём, денег на покупку тёплой одежды не было, поэтому начала добиваться, чтобы нас эвакуировали в

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Ташкент. И ей это удалось.

В конце сорок первого года мы оказались в Ташкенте. Без денег, без одежды, дело в том, что по пути мы потеряли почти весь свой багаж. Часто было не до багажа. Когда налетали самолёты. И без еды. Но нам, в конце концов, повезло. Нас приютила узбекская семья. Очень хорошая семья, Только благодаря им мы и выжили. А когда Кировоград освободили, поехали в обратный путь. - Люба закончила свой рассказ, посмотрела на мужа и добавила. - Эзра немного не здоров. Давайте я расскажу вам всё, что мне известно о нём.

Его отец был военным, поэтому он сразу же отбыл в свою часть. А мама с дедушкой, бабушкой, семилетним Эзрой и его сестричкой (заметьте, одна на всех - мама) под грохот бомб и снарядов покинули в товарном эшелоне город. Эзра никогда не любил распространяться на тему эвакуации. Всё остальное время, что они находились в эвакуации, они жили в Куйбышеве. Жизнь там оказалась невыносимой. Жили в неотопливаемом бараке.

Мама с раннего утра уходила на работу. Она работала на подшипниковом заводе, эвакуированном из Харькова, по четырнадцать часов в день, иногда, больше. Сказать, что мы жили голодно, то это означает, что ничего не сказать. Скорее, умирали с голоду. Карточки давали только на работающих членов семьи. А остальным не полагалось.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

К сожалению, был такой период.

Мороз в комнате был такой, что ведро с водой промерзло до дна. Там и отморозил Эзра и руки, и ноги. Сколько прошло с тех пор лет, а они так и остались в шрамах и нестерпимо болят, особенно, по ночам. Как иногда шутит Эзра: эта боль – его наследство от войны и эвакуации. И с ней он живёт всю свою жизнь. А в сорок пятом семья вернулась в родной Кировоград.

Любовь и Эзра Полонские

Вот такая досталась доля Любе и Эзре Полонским. Пожелаем же этой замечательной семье долгих лет счастливой жизни в Израиле.

РАИСА ВИШНЕВЕЦКАЯ

- Вы хотите, чтобы я рассказала Вам свою историю, как жила до войны и во время войны? – Так начала беседу со мной Рая Вишневецкая, - а, скажите, зачем? Ничего особенного в той жизни не было. Всё было, как у всех. Хорошая жизнь до войны, плохая – после.

- Раечка, пожалуйста, расскажите. Дело в том, что при том, что «как у всех», у каждого была своя судьба, отличавшая одну историю жизни от другой.

- Не знаю. Мне кажется, что сейчас это никого не волнует. Скажите, разве судьбы людей в Израиле, не знавших событий в СССР, лучше? Мне кажется, что они ничем не лучше. И примеров тому множество.

- Раечка! И всё-таки давайте поговорим о том периоде Вашей жизни.

- Хорошо. У нас была большая и замечательная семья. Мама, папа, два брата и две сестры. Поверьте, для любого времени, неплохо. И жили мы в центре города Житомира. И радовались жизни.

Война расколола нашу жизнь и нашу семью. Всю жизнь я храню, как самое дорогое, маленькие замызганные войной и временем треугольнички – письма от моих братьев с фронта.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

А в самом начале войны налетели самолёты, и началась такая ужасная бомбардировка центра города, что мама, схватив детей, бросила всё и побежала. Мы бежали через горящий город. Грохот, чёрный дым, сплошные пожары, падающие стены разбомблённых домов и крики людей, через всё это мы бежали.

Ужас гнал нас на окраину. Там жила мамина сестра. Мы прибежали к ней и первое время жили у неё. А в разбомблённом доме осталось всё: документы, фотографии, одежда, продукты, прошлая мирная жизнь. Да-да, мы остались ни с чем. Хорошо, что выжили в том крошечке.

А дальше была дорога на Восток. И снова под бомбами. Как у всех. Мы ехали на открытой платформе прямо на ящиках со снарядами. Попади бомба в вагон, от нас ничего бы не осталось. И каждая бомбёжка была похожа одна на другую.

Машинист, как только показывались самолёты, останавливал поезд, и мы бежали. Бежали в разные стороны, кто куда. Главное, подальше. А когда самолёты улетали, мы бежали, но теперь к поезду. Что в это время творилось, я имею в виду возвращение к поезду, не передать словами.

Дети в поисках мам орали во всё горло. Мамы в поисках своих детей кричали так, казалось, небо сейчас обвалится. Одним словом, все кричали, все бегали. Бегали и кричали. А ведь бы-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ло и такое: кричали и не находили. Не находили среди живых. И снова мы ехали.

И вот мы в городке Гузар, который находится в Узбекистане. Когда-то он был одним из важнейших городов Бухарского ханства. Там ещё протекает река Гузар-Дарья. Жилья в городе не было. Никакого. Город в степи, но попадались и холмистые участки. Я помню, нам помогли, отрыли на одном из холмов пещеру. Мы забрались туда, закрыли вход занавеской, там и жили. Всё время, до тех пор, пока наши войска не погнали немцев на Запад. И мы двинулись за ними.

Простите, Вы спросили про довоенные фотографии. Так я же сказала, всё-всё осталось в разбомблённом доме.

БОРИС ТРЕЙГЕР

Если вы хотите получить представление о Молдавии, поезжайте в Бельцы. Мягкий климат, ласковое солнце и в каждом дворе вам с удовольствием нальют большую чарку своего золотистого вина. Только потому, что вы заглянули на огонёк.

До войны в этом городе проживало в основном еврейское население. В центре города жила семья Трейгер. Папа, мама, бабушка, мамина родная сестра и шестилетний мальчик Боренька.

Ночь. Завтра воскресенье, можно подольше поспать. Но под утро раздался ужасный грохот, немецкие самолёты начали бомбить город. Граница была, примерно, в шестидесяти километрах, поэтому уже на следующий день передовые румынские и немецкие части приблизились к городу. Но, как только началась бомбёжка, все вскочили и в чём были, кинулись бежать. Бежали до окраины города, там был, а, может, и сейчас ещё есть сахарный завод.

Почему-то очень много людей бежало именно к этому заводу. Там находился большой пруд и люди решили, что их спасение именно в пруду. И представьте такую картину: люди стоят по колено в воде, а сверху с пулемётов их поливают свинцовым дождём. Берег и вода окрасились в красный цвет. Что делать дальше, никто не знал.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

В это время мимо проезжал военный обоз. Он двигался в сторону Винницы, что на Украине. И люди пошли за ним. Пешком. Так и дошли они до Шаргорода и, заметьте, под непрерывным обстрелом самолётов. А дальше эти люди, и в том числе семья Трейгер, не пошли. Город захватили румынские части. Немедленно всех евреев согнали на стадион. И они несколько дней находились там под открытым небом без воды и без еды. Началась эпидемия. Желудочно-кишечные заболевания косили людей. Тогда румынские власти приняли решение освободить всех и дали им возможность разбежаться по городу и жить в свободных квартирах.

А вскоре последовал приказ: всем главам семей собраться. И их повезли в лагерь смерти, расположенный возле украинского села Вапнярки. Туда попали отец и бабушка. Там же бабушка и скончалась.

Уж каким образом стало известно об этом лагере Красному Кресту, но тот добился того, что всех ещё живых узников Вапнярки отправили в посёлок Саврань, что стоит на правом берегу Буга в Одесской области. Туда же вскоре из Шаргорода товарными вагонами были перевезены и остальные члены семьи. Их везли почти две недели, выходить из вагонов не разрешали, еду не давали. Не все и доехали.

Никто не понимал, за что же такая милость.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Однако на месте всё разъяснилось. Город был окружен густыми лесами. Вокруг в этих лесах находилось очень много партизанских отрядов. Они постоянно совершали вылазки, уничтожая румынские и немецкие гарнизоны. Так вот, когда немцы устраивали облавы на партизан, они выставляли впереди себя, в качестве живого щита, евреев. Семье Трейгер пришлось участвовать в такой акции. Слава богу, никого из них не застрелили.

Наступил 1944 год. Город Саврань был освобождён партизанами. А на следующий день в него вошли регулярные советские войска. Так завершился тяжелейший период жизни семьи Трейгер и мальчика Бори.

Сейчас Борис готовится встретить свой семьдесят пятый юбилей. Пожелаем ему сохранять прежнюю бодрость духа и крепить здоровье! И счастья на новой Родине в Израиле.

ИДА ЖЕРЕБЧЕВСКАЯ

Живописная долина реки Сож, вековые дубравы и болота - "лёгкие Европы" – всё это белорусское Полесье, с которым связано множество легенд и исторических событий. Город Гомель, в котором до войны проживала семья Иды Жеребчевской, как раз и пересекала эта замечательная река.

Когда-то в этом городе более половины городского населения составляли евреи. Достались они России ещё со времен императрицы Екатерины второй при первом разделе Речи Посполитой. С тех пор и жили. Всё-таки это была черта оседлости.

В семье жили мама, два брата и их сестричка Идочка. Жили, не жалуясь, тогда вообще мало кто жаловался. И говорили, что главное, чтобы не было войны. Но не получилось. И пришла война в дом Иды. Пришла с бомбёжками. Город менялся на глазах. Рушились дома, вокруг пылали пожары, бродили обездоленные люди. Бродили в никуда. Тяжёлая доля досталась мамам. А детям - нерадостное детство.

А дальше был товарняк. Открытая платформа. Пока поезд шёл, чёрный дым из топки паровоза, перекрывая кислород, не давал дышать. Лица у всех были чёрными, как у трубочистов, но было главное – ехали. А когда налетали самолёты с кре-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

стами, поезд останавливался, и все разбегались в разные стороны.

И вот, наконец, Урал. Село Коркино. До войны оно было известно своими огромными угольными месторождениями. Там шла добыча бурых углей открытым способом. Во время войны, в связи с большим ростом населения, село переименовали в город.

Ида вспоминает, что в этом селе (тогда всё-таки это было село), куда ни глянешь, во все стороны тянулись терриконы, а в воздухе днём и ночью висела угольная пыль. Дышать было трудно, но зато зимой этим углём все топили свои печи.

И ещё. Местный народ был незлобивым, всегда готовым прийти на помощь, делились тёплой одеждой, что было особенно важно. И последнее, что вспоминает Ида. Все они очень быстро освоили местную речь. Вроде бы русский язык, но многие слова незнакомые. И только через несколько лет после возвращения в родные края Ида снова начала говорить по-русски.

Перебирая в памяти множество случаев с эвакуированными людьми во время войны, хочется заметить, что судьба у Иды мало чем отличалась от судеб таких же детей, как она. И было общее, о котором хорошо сказано в известном стихотворении, правда, написанном по другому поводу: «Тяжелая досталась доля...»

ВЛАДИМИР ЛЕЩИНСКИЙ

Омар Хайям много веков назад написал: «На происки судьбы злокозненной не сетуй...» Совет его, конечно, неплохой, но многим от этого не легче. Особенно детям в годы войны. Жил на свете мальчик Володя Лещинский. В прекрасной семье: папа, мама, старшая сестра, он и грудной братишка. И жила семья в Кременчуге. Жила по всем меркам неплохо. Как-никак отец был военным, да не простым, а командиром батальона. Его батальон охранял мост через Днепр.

А в марте сорок первого года отец получил новое назначение, и вся семья переехала в город Кишинёв. Там они поселились в финском домике. И снова им было хорошо.

Володя вспоминает первый день войны. В три часа ночи его разбудила собака. Начала скулить. Володя встал, вышел на крыльцо и обнял своего четвероного друга. И услышал тяжёлый гул. Поднял голову, а там... небо было закрыто самолётами, летевшими, как на парад. И все самолёты с крестами на крыльях.

Володенька перед войной

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Володя обрадовался и разбудил папу. Папа выскочил во двор и переменялся в лице: «Сынок! Беги к мамке, разбуди её, пусть всех оденет. И ждите, я скоро приеду». А сам он быстро оделся и исчез. Вскоре пришла легковушка. Отец с солдатом-водителем передал маме справку, что она жена командира. Мама с детьми уселась в машину, и поехали они в Одессу. Прямиком к коменданту.

Почему-то отец написал, что из Одессы надо ехать в Кременчуг поездом. Вероятно, он не думал, что война будет затяжной, а фашисты захватят всю Украину с Белоруссией и подойдут к Москве. Вот поэтому мама и мыкалась вначале в Кременчуг, затем в Киев, где жили дедушка и бабушка.

Что творилось в то время в Киеве, даже вспоминать страшно. Все хотели покинуть город. Выехать из него было совершенно невозможно. Немцев ещё не было в городе, а мародёры, откуда только их столько набралось, старались днём и ночью. Грабили и убивали, в основном, евреев.

Дедушка отказался покидать Киев, бабушка вместе с мамой старалась не только вывезти детей, но и сама как-то спастись. Бабушке удалось уговорить знакомого рыбака перевезти семью на лодке через Днепр. Оказавшись на другом берегу, пошли пешком: я держал за руку бабушку, сестра, уцепившись за мамин подол, грудничок на маминих руках. Шли на восток, так им сказал рыбак.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Так шли очень долго, пока не набрали на какой-то полустанок с военной комендатурой. Как раз там грузили в теплушки раненых бойцов. Мама показала коменданту справку, что она жена офицера, и тот посадил всех в один вагон с ранеными.

Казалось, что теперь всё будет хорошо, но судьба в жизни Володи вновь сделала поворот. Во время остановки, а ехали медленно, больше стояли, он слез с вагона.

Тут поезд дёрнулся и поехал. Бабушка выпрыгнула из вагона, чтобы не бросить внука на произвол судьбы. Поезд ушёл, а они пошли вослед по шпалам.

В одном месте рельсы разветвлялись в разные стороны. Куда идти дальше, бабушка не знала. И здесь, впервые в жизни, её внучек показал, на что он способен.

Володя посмотрел на рельсы: в одну сторону шли они ржавые, в другую блестящие. И сказал: «По ржавым рельсам видно, что по ним давно не ходили поезда. Пошли бабуля по блестящим рельсам». И очень поздно ночью они дошли до станции. А там стоял их поезд. Опять судьба вмешалась.

И ехали они до станции Сургут, что в Куйбышевской области. И всё время под обстрелами. Когда налетали самолёты, поезд останавливался, все разбегались, то бабушка сказала никуда не бежать, а залезать под вагон и там сидеть не высо-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

вываясь. Мудрая была бабуля. Ведь немцы поняли быстро такую тактику и из пулемётов охотились за людьми. Сколько тогда народу не возвращалось назад в поезд, Володя вспоминать не любил.

В Сургуте на вокзале их встретили подводы. Да-да, подводы. Местные жители из окрестных деревень специально прибывали на железнодорожную станцию, чтобы развезти по своим домам беженцев. Не во многих местах страны осуществлялась такая акция.

Одна женщина предложила им помощь. Усадила на свою подводу, и поехали они в село Исаклы.

Бабушка до войны была хорошей портнихой и в селе пользовалась спросом и уважением. А, значит, семья с голоду не умирала. Там они и жили, пока отец в 1945 году не вызвал семью во Львов, где была расквартирована его часть. Так завершилась одиссея мальчика Володи и его семьи.

Владимир Лецинский в Израиле

ГЕОРГИЙ ШАПИР

Когда одессита начинают спрашивать о вещах, которые он хотел бы забыть, выбросить из головы, нелёгкое дело его разговорить. Вот что-либо весёлое или анекдот, или что-то в этом роде – пожалуйста. Без проблем. И в любое время. Но если он начинает говорить, его уже не остановить. Правда, так бывает не всегда.

Только представьте. Июнь. Одесса. С моря дует лёгкий ласковый ветерок. Не ветер, а именно, ветерок. Цветут каштаны. С утра пораньше выйти и прогуляться по улицам этого замечательного города - одно удовольствие.

Жорик (тогда его называли не Георгий, а Жорик), которому ещё не исполнилось шесть лет, гулял с папой по улицам Одессы. Так у них в семье было заведено, в воскресный день папа обязательно брал его на утреннюю прогулку. А что для малыша могло быть лучше, чем прогулка с папой!

И было это двадцать второго июня сорок первого года. Жорик ещё не умел читать, поэтому название улицы кануло в вечность. И вдруг видит, навстречу им не идёт, бежит сослуживец отца. Когда они поравнялись, тот на ходу крикнул отцу: «Война!». И побежал дальше. Они тут же засобирались домой.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Едва они вошли в дом, папа громко крикнул жене: «Срочно собирайся, немцы напали на СССР. Надо уезжать подальше, куда угодно, подальше в тыл».

Мама начала было собираться, но так, словно они не очень-то и торопятся. Никто ведь в семье не думал, что это надолго. И мама, и папа верили, что, если нападёт немец, ему тут же дадут такой отпор, что мало не покажется.

Но, когда послышался гул летящих самолётов с крестами на крыльях и посыпались на город бомбы, сборы мгновенно завершились. Мама схватила первое, что попало под руку, засунула всё в мешок, и они побежали в порт.

А в городе уже началась паника. Многие мужчины с белыми листками-повестками заторопились в военкоматы. Всё гудело и стонало. Город начинал жить прифронтовой жизнью. Многие, те, что были с детьми, с котомками двигались в сторону порта или железнодорожного вокзала. Так как отец из-за слабого зрения был освобождён от участия в военных действиях, то он всё время был с нами.

И вот мы на пароходе. Идём из Одессы в Новороссийск. Отплыли ночью, чтобы избежать налёта немецких самолётов. Море было спокойно. Рейс протекал нормально, без эксцессов. Неподалёку тем же курсом шёл другой такой же пароход.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

И вдруг раздался ужасной силы взрыв. Он напоролся на мину. На наших глазах вместе с людьми пароход ушёл под воду. Никто не спасся. Ужас охватил нас. Ведь вместо того парохода мог быть наш. И до утра мы уже не спали. Вероятно, нам очень повезло, но мы спокойно пришли в Новороссийск.

Папа быстро устроился в порту главным инженером элеватора. Но когда начались бомбёжки города, я с мамой переехал в какое-то местечко в Краснодарском крае.

Названия меня тогда не очень интересовали, тем более что вскоре оттуда мы на товарном поезде добрались до города Мелекесс, который находился уже в Ульяновской области.

Так как мама и папа в этом городе нашли работу и у нас как-то решились проблемы с жильём, мы остались в Мелекессе надолго. Там я со временем окончил школу и оттуда пошёл в армию. Там же и завершился мой военный жизненный этап.

Георгий Шатир в Израиле.

АРКАДИЙ И МАЙЯ ХАЙЧЕНКО

Когда слушаешь человека, судьба которого необычна, то невольно вживаешься в его образ, и его судьба становится твоей судьбой. Я слушал Аркадия Хайченко затаив дыхание.

Раньше, ещё до войны, Аркадий был Абрамом. Неплохое имя, но в какой-то момент мама поняла, что с таким именем в России хорошо жить не дадут, и Абрам стал Аркадием.

До войны Аркадий с двумя сёстрами, мамой и папой жил в Днепропетровске. Папа работал дамским портным, а, как известно, на них всегда был большой спрос. Поэтому можно считать, что семья жила неплохо.

Когда началась война, отца поставили с винтовкой стоять на вышке-ротонде и при появлении немецких самолётов немедленно открывать по ним стрельбу. Со временем ему пришлось оттуда слезть и идти на войну настоящую.

А позже, когда бомбёжки стали регулярными, мама приняла решение уехать вглубь страны. Но сделать это оказалось очень трудно. Выбирались то на лошадях, то пешком, то кто-то изредка подвозил. Так они добрались до села Белая Глина в Краснодарском крае. Но ненадолго. Подошёл фронт. Начались ужасные обстрелы и бомбёжки. Выехать из села, они не смогли.

Хозяйка Мария, у которой они были на постое, привела как-то капитана, согласившегося за

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

приличные деньги вывезти их на своей машине. Чтобы убедить маму, Мария сказала ей, что капитан вывез раньше из села восемь еврейских семей. Откуда им было знать, что капитан далеко эти семьи не вывозил. В степи останавливал машину и всех расстреливал.

Мама согласилась, все уселись в «Эмку» и поехали. Когда машина оказалась вдали от Белой Глины в глухой степи, капитан остановил машину и приказал маме выйти. Он достал из кобуры пистолет, прицелился и собрался её, а за ней и нас, пристрелить. Мама упёрлась и не стала вылезать из машины и сказала ему: «Стреляй в машине. Тогда машина будет в крови, тебя поймают и накажут». Завязалась борьба, капитан уже почти выволок маму наружу, как вдруг показалась наша воинская часть. Мы были спасены.

Капитана повязали и с нами отправили в ближайший пункт НКВД. Там маму арестовали якобы за нарушение режима в прифронтовой зоне. Сказали, что нам нельзя было находиться в тех местах, где идут бои. И сказали, что мама получит за это три года. Чем бы всё кончилось, неизвестно. Но подошли немцы и весь состав НКВД, бросив арестованных и документы бежал. Кто куда.

Не зная, что делать дальше и куда бежать, мама с нами вернулась в Белую Глину. И снова к Марии. Мама подозревала, что Мария была с капитаном в сговоре. Но выхода у неё не было. Ма-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

рия, чтобы от нас избавиться, привезла нас на станцию и посадила в товарный вагон. А маме дала три больших круглых ароматных буханки свежеспечённого хлеба на дорогу.

Казалось бы, можно в поезде передохнуть и тут вспыхнула ужасная драка. Несколько евреев, ехавших в том же вагоне, стали требовать у мамы хлеб. Они стали её бить и кричать: «Отдай хлеб! Отдай хлеб! Убьём!» Ехавшие в вагоне люди разделились на две группы. Одна группа защищала маму, другая требовала хлеб. Голодные люди превратились в зверей. За хлеб они могли убить.

И мама из трёх буханок отдала две. Ужас, пережитый мальчиком, когда мама дралась из-за хлеба с этими евреями, навсегда врезался в память Аркадия.

Затем, чего только не было. В Узбекистане Аркадий помогал маме собирать в поле хлопок. После Узбекистана была Алма-Ата. Описывать жизнь там и там не имеет смысла. Она ничем не отличалась от той жизни, которая коснулась других беженцев. Трудностей хватало в любом месте.

Вернулись в Днепропетровск. Опять-таки, как и у многих, их квартира оказалась занятой. Начались мытарства по чужим углам. А когда в сорок пятом вернулся с фронта на костылях отец, родители пошли в Красногвардейский райисполком, чтобы стать на очередь на жильё. То, что

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

предстало их взору, оказалось одновременно настоящим шоком и даром с небес.

За столом председателя квартирной комиссии исполкома сидел тот самый капитан-мародёр, который их чуть не расстрелял.

Мой папа – боевой офицер - хорошо посчитался с капитаном. А тот даже не сопротивлялся. В конце капитан даже лизал папе сапоги. А затем папа вызвал работников НКВД и капитана увели.

Аркадий то ли закончил свой рассказ, то ли перевёл дух, собираясь продолжать его дальше. Воспользовавшись паузой, я спросил у него:

- А как Ваша супруга Мая? Как она пережила те годы?

- Это Вы у неё спросите. – Сказал Аркадий, - она всё помнит.

- Маечка, пожалуйста, расскажите о своей жизни, - попросил я его жену.

- Пожалуйста. Я, действительно, все хорошо помню. Раз уж Вы пришли, слушайте.

Это я сейчас Хайченко. А в девичестве была Щукина. Жили мы в Сталино, промышленном городе на Донбассе. Папа работал в конструкторском бюро на одном из заводов. Мама, её звали Фаня, то ли кассиром, то ли бухгалтером, но где, я не интересовалась. У нас была отдельная квартира

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

на первом этаже. Сейчас, вспоминая те годы, мне кажется, что мы жили очень хорошо и дружно.

Маечка с тётёй до войны

Папа, уходя от нас на войну, сказал:

«Фанечка! Вы должны немедленно уехать. Немцы вас расстреляют. Собирайся!»

Он же нас посадил в поезд. Почему-то это был открытый товарный вагон. Наверное, других тогда не было. А, может быть, было не до выбора.

Дорога. У меня и сейчас такое впечатление, что мы больше стояли, чем ехали. Бомбили нас – мы стояли. Кого-то надо было пропустить – стояли. Семафор светился красным светом – стояли. Набрать угля или воды – стояли. Где мама доставала еду тогда и много позже я не могла понять. Вероятно, мамы для того и существуют, чтобы правдами и неправдами обеспечивать детей водой и едой. Так мы доехали до Казахстана.

Уже в Казахстане мы узнали, что папа в это время лежал в Нальчике в госпитале.

Оставив маленького сына, моего брата, соседям, мама взяла меня, и мы поехали к папе. В Нальчик. Пока мы туда добрались, к Нальчику подошли немцы, госпиталь эвакуировали вглубь

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

страны. Папа уехал с госпиталем, а мы остались. Но как-то выбрались. А иначе меня бы здесь сейчас не было. И мы вернулись в Казахстан. Мама работала в поле, платили мало. Как бы мы смогли выжить, не знаю. Но помог папин аттестат. В основном, жили на папины офицерские фронтовые деньги.

А теперь о самом тяжёлом. В обратный путь мы отправились на открытой платформе с углём. Это нас не пугало, опыт таких поездок уже был. Но по дороге мама потерялась. Поезд неожиданно тронулся и мама отстала. Это было ужаснее всего. Представляете, остаться без мамы. Мне с маленьким братом. Но, слава богу, мама нас нашла.

Вернулись мы в Сталино. Наша квартира оказалась занятой. Соседи, с которыми мама дружила ещё до войны, нас приютили. Дали место в подвале. А жить. Жить было не на что. И знаете, что мама сделала? Она покупала на базаре картошку, варила её во дворе на кирпичках. И затем носила на базар продавать. Но варёную. На вырученные деньги она снова покупала картошку и ещё лук. Немного картошки оставалось и нам. Так вот и жили. Пожалуй, нет, выживали. Но сколько можно было так жить? И мы поехали в Днепрпетровск. А и там жить было негде. Да ещё всё время стреляли и бомбили.

И мама снова решила двигаться дальше. В Черкассы, где до войны жили мамины родители.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

Приехав туда, мы поселились в доме деда. Потом уже вернулись и бабушка с дедушкой. Там мы и встретили день Победы.

- Простите, но из Вашего рассказа мне показалось, что вы жили в эвакуации не так уж и плохо? Или я ошибаюсь?

- Да, куда уж лучше. Ведь всё было: и голод, и холод, и тиф, и другие болезни. Просто, зачем всё это вспоминать.

Посмотрите на эту счастливую пару! Они в самом расцвете сил. И всё у них впереди!

Многие годы в радости жить им в Израиле!

Майя и Аркадий Хайченко

НЕ ПОМНЮ...

(Навеян разговорами с людьми,
пережившими то время)

- *Вы где жили до войны?*
- *Не помню...*
- *А где Вы находились в эвакуации?*
- *Не помню...*

* * *

Вы что-то спросили? Что я помню? Но это же было так давно. Хорошо-хорошо, спрашивайте. Где я жил до войны? Сейчас вспомню, обязательно вспомню. Как давно это было...

Я напряг свою память, и она, словно, кадры кинохроники, поползла, поползла.

Я стою на улице. Забыл название, и спросить сейчас не у кого. Рядом девушка. Мы все годы учились вместе. Я её провожаю. Домой. Как всегда. Она взяла меня за руку, девчонки почему-то всегда имеют привычку брать мальчишек за руку, будто мы маленькие. Я выдернул руку, хотя, не скрою, мне этого совсем не хотелось делать. «Побежали! - крикнула она и побежала. Затем остановилась. - Ну, что же ты?!»

Мы подошли к площади. Она была забита народом. Люди стояли, плотно прижавшись друг к другу. Молчали.

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

«Граждане и гражданки Советского Союза!»

Слова Вячеслава Михайловича Молотова падали в толпу, как снаряды.

Она кинулась ко мне, обвила мою шею руками и прошептала: «А как же мы? Как же мы...» Я, оцепенев, снял её руки со своих плеч, и как-то отрешённо произнёс: «Надо идти». И ушёл. А она осталась... там, на площади.

Я пришёл домой, мама накинулась на меня: «Шляешься, где попало! Через час машина!»

Что-то случилось, боль сдавила виски, плёнка то ли разорвалась, то ли перестала двигаться вперёд. И вот снова понеслись кадры. Понеслись с огромной скоростью. Я теперь еле успевал что-либо замечать. Люди. Много людей. Все бегут, кто-то падает. Я бегу с ними. Стреляют, стреляют отовсюду. Куда бежать? Толпа поредела. Почти никого рядом со мной. А я всё бегу. Добежал...

Каким-то невероятным усилием сдвинул плёнку. Комната. Когда-то здесь учились дети. Сейчас кровати, много кроватей, одна к одной. И на них лежат, нет, не лежат, умирают. Дети и подростки, подростки и дети. Дифтерия.

Я иду вдоль ряда кроватей и вижу: «Этот сегодня умрёт, и этот тоже, и этот. А этот дотянет до завтра...» Мне повезло, я выжил. А плёнка крутится без остановки.

Мне вручили, как награду... деревянный ящик и карточку. Ящик, чтобы доставал до управ-

Знаковская, Зусман, «Пережившие Холокост»

ления станком, карточку – продовольственную, рабочую, чтобы не умер с голоду. Карточка – это хлеб! Это – жизнь.

Старик, инвалид первой мировой, непрерывно сбивал деревянные ящики, скоро весь цех стоял на них.

Потом люди стали исчезать. Кто на фронт, кто домой. Освободили Краснодар, заторопились краснодарцы. Освободили Киев, потянулись киевляне. Харьков, Запорожье, Житомир...

Я иду по родному городу. Он, словно, вымер. На улицах никого. Выхожу на площадь. На ту самую площадь. Холодный промозглый ветер гоняет по ней сухие прошлогодние листья и две металлические банки. Они гремят, как пулемётные очереди. Но я не слышу ни вой ветра, ни грохот металлических банок. Я стою, и слёзы стекают по давно не бритой щеке. Здесь она обняла меня. Здесь она им крикнула: «Всех не убьёте!» Вот здесь. На этом самом месте...

Вы что-то спросили? Пожалуйста, повторите вопрос, я, знаете ли, в последнее время плохо слышу. Что я помню о войне? Вы спросили, что я помню о войне?

- Простите меня. Я ничего не помню. Со всем ничего.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Как всё начиналось. Предисловие	6
Часть первая. Любовь Знаковская	8
Любовь Знаковская	9
Мария Айзенштейн	11
Эсфирь Альтшиллер	15
Дина Балахнина	21
Ефим Баранов	28
Гарий Гальперин	33
Соломон Гордин	36
София Горелик	40
Галина Дордий	44
Мария Дреер	49
Соломон Заславчик	53
Ролина Кагарлицкая	56
Мария Куперштейн	59
Лев Лунгин	66
Лянский Роман	68
Мая Михайлова	75
Ева Нейтур	79
Александр Равкин	85
Нелли Чернис	91
Злата Чечик	95
Лев Юделович	100
Леа Янкелович	105

Часть вторая. Анатолий Зусман	108
Анатолий Зусман	109
Раиса Брухис	110
Моисей Самгородецкий	114
Лидия и Леонид Матюхины	117
Фридель и Александра Самгородские	122
Фира Зак	128
Анна Водопьянова	135
Роза Мигдалевич	140
Михаил Хейфец	142
Дмитрий Гительмахер	146
Анета Лерер	149
Дина и Лев Сольцманы	153
Ида и Борис Богуславские	160
Александра Хазанова	165
Рита Лерман	168
Римма Варфоломеева	170
Ася Качаровская	173
Эзра и Любовь Полонские	176
Раиса Вишневецкая	179
Борис Трейгер	182
Ида Жеребчевская	185
Владимир Лещинский	187
Георгий Шапир	191
Аркадий и Майя Хайченко	194
Не помню	201